

Мэри Стюарт МАЛЕНЬКАЯ ВЕДЬМА

ЛЮБИМЫЕ КНИГИ
ДЕВОЧЕК

Мэри Стюарт

Маленькая
ведьма

Самые удивительные вещи происходят в этой книге с девочкой, предоставленной самой себе в старом загородном доме.

Чтобы скоротать время, она бродит по лесу и встречает черного кота...

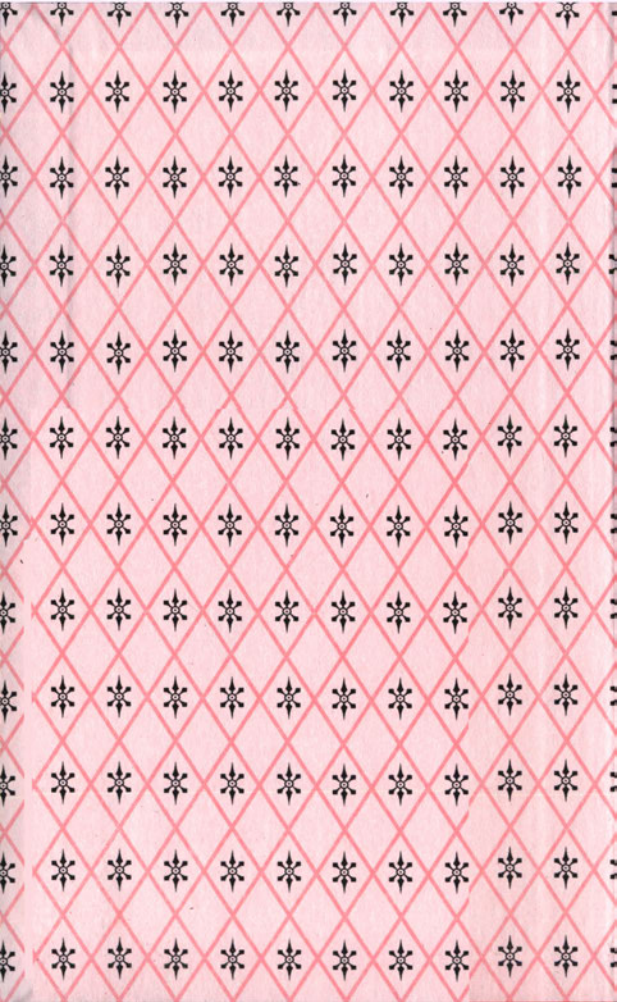
Вот тут-то и начинаются таинственные приключения с колдовством и погонями.

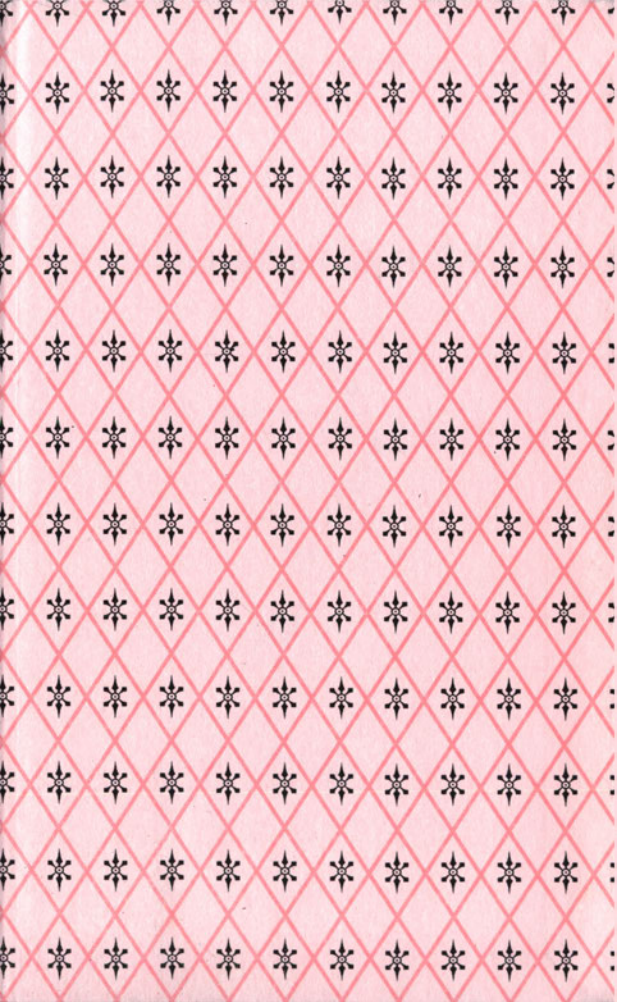

ISBN 5-17-000257-2

9 785170 002573

ЛЮБИМЫЕ КНИГИ
ДЕВОЧЕК

Мэри Стюарт

МАЛЕНЬКАЯ ВЕДЬМА

Москва Астрель АСТ 2001

Перевод с английского
Наталии Ермильченко

Оформление серии *А. Ю. Власовой*
Рисунок на обложку *В. Н. Фекляева*
Иллюстрации *В. Иванюка*

Перевод выполнен по изданию:
Mary Stewart. The Little Broomstick.
First published in Great Britain, 1971

Стюарт М.

С 88 **Маленькая ведьма.** – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001. – 144 с.: ил. – (Любимые книги девочек).

ISBN 5-17-000257-2 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-00429-5 (ООО «Издательство Астрель»)

Самые удивительные вещи в сказках происходят с детьми, которые предоставлены сами себе. Вот и Мэри, героиня этой книги, проводит самые одинокие и самые утомительные на свете каникулы у своей двоюродной бабушки в старом и бесприютном загородном доме. Но не все так просто в этой истории... Чтобы скоротать время, девочка бродит по осеннему лесу и в один прекрасный день встречает черного кота. Вот тут-то и начинаются удивительные и необычайные приключения с колдовством, заклинаниями, превращениями и погонями.

Мэри Стюарт, придумавшая эту повесть, хорошо известна читателям как автор романов о Мерлине. Кто-то, а она-то умеет рассказывать о волшебном! «Маленькая ведьма» – единственное произведение писательницы для детей, и написано оно с присущими автору воображением и тонким юмором.

УДК 820
ББК 84(4Вел)

ISBN 5-17-000257-2 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-00429-5 (ООО «Издательство Астрель»)

Трою,
моему знакомому резиденту,
и Джонни,
коту, пришедшему с холода.

Глава 1

БЕДНАЯ МЭРИ СИДЕЛА В СЛЕЗАХ...

Даже имя у нее было самое обыкновенное: Мэри Смит. «Как это все-таки тяжело, – размышляла она, – когда тебе десять лет, и ты ничего особенного собой не представляешь, когда ты в полном одиночестве смотришь из окна спальни на серый осенний день, да вдобавок ко всему тебя зовут Мэри Смит».

В семье только она и была ничем не примечательной. У Дженни чудесные длинные волосы – совершенно золотые; Джереми – все говорят – красавец. Оба старше Мэри, умнее – во всяком случае, все так думают. Но главное – они двойняшки и постоянно вместе, а Мэри, которая родилась на пять лет позже, все время оставалась ни при чем, словно ни брата, ни сестры у нее и нет вовсе. Не то чтобы она им завидовала: наоборот, ей всегда казалось естественным, что у них есть то, чего нет у нее. Вот как теперь...

Выяснилось, что папа на месяц, до конца летних каникул, едет в Америку и берет с собой маму. Поначалу все выглядело замечательно. Двойняшки уехали к школьному приятелю на ферму в Йоркшир, а Мэри родители собирались отправить к маминой сестре тете Сью, у которой трое детей – одиннадцати, восьми и четырех лет – и которая живет в часе езды от моря.

Но потом, в тот самый день, когда Дженни и Джереми уехали, пришло письмо от тети Сью: дядя Джил и двое старших детей слегли с гриппом, и тетя Сью боялась не справиться, если приедет еще и Мэри.

Вот так. Лучшее, как всегда, досталось двойняшкам. Мэри не завидовала тому, что они будут собирать яблоки и кататься на пони, но считала, что ее могли бы, на худой конец, отпустить заразиться гриппом. По крайней мере, болела бы в компании.

Вместо этого мама, как безумная, кинулась к телефону, и Мэри спровадили – правда, с извинениями – к двоюродной бабушке Шарлотте, в деревню, в тихий, старый дом.

«Ничего, – думала Мэри, – здесь ничего никогда не случается. Только бы скорее кончились каникулы...»

И она сердито посмотрела в окно на сад, где опадающие листья, шурша, выкладывали узоры на газоне.

Двоюродная бабушка Шарлотта, старая, добрая и ужас до чего глухая, жила в графстве Шропшир, причем в самом безлюдном месте. От главной дороги надо было с милю или около того ехать к дому через лес и вишневые сады. Раньше сады принадлежали хозяевам дома, но теперь ими распоряжалась местная садоводческая фирма, которая держала ворота на замке и никого не пускала. Половину дома сдали в аренду; люди, которые там жили, уехали отдыхать, и вид запертых ставен и заколоченной двери только усиливал чувство одиночества. До деревни Редмэнор с почтой и стайкой домиков у церкви была целая миля. Туда вела дорога чуть шире деревенской тропинки; Мэри иногда по ней гуляла и ни разу еще никого не встретила.

Бабушка Шарлотта жила, можно сказать, одна. Правда, в доме вместе с нею обитали ее престарелая приятельница и компаньонка мисс Маршбэнкс, пожилая домоправительница-шотландка миссис Маклуд и преклонного возраста пекинес Конфуций. Были, конечно, еще миссис Бэнкс и ее дочь Нэнси, которые приходили делать уборку, был Зебеди — старичок-садовник, но все равно это не то общество, где хотелось бы блистать мисс Мэри Смит, довольно застенчивой особе десяти лет от роду.

Мисс Мэри Смит, стоя перед зеркалом в спальне, придирчиво изучала собственный язык.

Вид у него был вполне здоровый. И чувствовала она себя превосходно.

Мэри закрыла рот, вздохнула, потом еще раз показала язык своему отражению и отправилась вниз в надежде найти себе занятие.

В гостиной мисс Маршбэнкс разбирала на широком подоконнике шелковые чулки. В камине весьма экономно горел огонь, а перед камином сидел Конфуций и с мрачным видом переваривал завтрак. Бабушка Шарлотта дремала в своем кресле с высокой спинкой и тоже, вероятно, переваривала завтрак, но выглядела при этом гораздо приятнее, нежели Конфуций.

Мэри на цыпочках прошла к подоконнику.
Тихонько села.

И стала смотреть, как мисс Маршбэнкс возится с клубком из двух чулок: красно-коричневого в резинку и тонкого ржаво-красного. Вместе цвета смотрелись ужасно. Мисс Маршбэнкс и вертела клубок, и трясла, и дергала, и в конце концов жульнически разрезала оба чулка ножницами. После чего принялась наматывать их на жгутики, скрученные из газеты.

Мэри раскрыла было рот, чтобы спросить, не надо ли помочь.

Мисс Маршбэнкс тотчас прицелилась в нее взглядом своих выцветших бледно-голубых глаз.

– Ш-ш-ш, – прошипела она. – Конфуция разбудишь! – И отодвинула коробку с чулками подальше от Мэри. Тут ей, видно, пришла в голову новая мысль, и она прибавила: – А Конфуций разбудит твою бабушку!

– Но... – начала было Мэри.

– Ш-ш-ш! – повторила мисс Маршбэнкс.

Мэри на цыпочках вышла из гостиной и потратила по меньшей мере две с половиной минуты на то, чтобы закрыть дверь без звука.

Миссис Маклуд она нашла на кухне; та готовила кекс. Она стояла у большого, тщательно вычищенно-

го стола и что-то взбивала в желтой миске. Похоже, она и не заметила скромного появления Мэри; она разговаривала сама с собой, причем явно на иностранном языке. «А может, это заклинание?» – внезапно подумала Мэри, переводя взгляд с вытянутого лица миссис Маклуд на плиту, где что-то булькало в кастрюле.

– Минимум две унции разрыхлителя, – бормотала миссис Маклуд, продолжая энергично взбивать, – на кончике ножа соли, сахар – ага, все, что ли?

– Что вы делаете? – спросила Мэри.

Миссис Маклуд подскочила, да так, что деревянная ложка стукнулась о миску, а соль и сахар с разрыхлителем просыпались на стол.

– Господи, помилуй! – вскричала она. – Ты меня прямо напугала, миленькая! Я и не слышала, как ты вошла! Ты что хочешь?

Она снова принялась взбивать непонятную смесь, заглядывая в растрепанную поваренную книгу, прислоненную к миске с яйцами.

– Было время, – вздохнула она, – когда я все помнила и без книжек. «...Но не более того. Две унции растопленного масла...»

– Может, помочь? – предложила Мэри, подбираясь поближе. – Знаете, я дома иногда помогаю маме печь. Она дает мне кусок сдобного теста, и я...

– Нет, нет, – сказала домохозяйка – правда, не сердито. – Я не готовлю сегодня сдобное тесто. Только вот это – к обеду, а тут очень сложный рецепт. А что ты в саду не поиграешь? Там не холодно, просто пасмурно.

Миссис Маклуд провела по странице белым от муки пальцем, и лицо ее, склоненное над рецептом, снова приняло суровое выражение.

— «Масло, — прочитала она. — И тщательно взбить полтора яйца». Пол-яйца... Ты когда-нибудь слышала что-нибудь подобное?

— Белая половинка или желтая? — спросила Мэри, заглядывая в книгу.

Но в этот момент на плите что-то с шипением выплеснулось из кастрюли. Домоправительница, выронив ложку, метнулась на другой конец кухни и сдержала кастрюлю с конфорки.

— Так у меня абрикосы пригорят, — сказала она. — Беги-ка, миленькая, поиграй в саду; если ты тут будешь со мной разговаривать, я пирог испорчу! Я не могу делать два дела сразу.

Мэри поплелась через кладовку к черному ходу.

Нэнси, дочка миссис Бэнкс, снимала белье с веревки. Нэнси была высокая толстуха с полными красными руками и блестящими карими глазами. Она улыбнулась Мэри поверх охапки наволочек и поздоровалась — как все уроженцы Шропшира, мягким, тихим голосом.

— Можно, я помогу развешивать белье? — спросила Мэри, поднимая две упавшие наволочки.

Нэнси засмеялась.

— Да уж почти все высохло, — певуче проговорила она. — Мы с матерью сейчас будем гладить.

Нэнси вытащила подпорку из-под веревки, и та провисла, покачиваясь над самой землей. Миссис Бэнкс крикнула из-за бани:

— Нэнси! Сходи-ка теперь за простынями!

— Иду, ма, — отозвалась Нэнси, еще раз улыбнулась Мэри, сняла последние две простыни, сунула в карман прищепки и ушла.

Если бы Мэри не постаралась найти Зебеди, садовника, она бы его, вероятно, так и не увидела. По-

тому что, как все хорошие садовники, он давно стал частью пейзажа. В выцветшей куртке и выдавшей виды шляпе, в подвязанных у колен веревками брюках он напоминал некое растение, которое позабыли посадить в грунт и бросили в теплице. Его скулы в тени чудовищной старой шляпы приобрели окраску цветочного горшка, а тыльные стороны узловатых рук казались сплетенными из той самой желтой рафии*, которой он обычно подвязывал хризантемы.

Этим-то он и занимался, когда Мэри его наконец разыскала.

Луч осеннего солнца пронзил серое, хмурое небо и позолотил деревья и опавшие листья, что шуршали у Мэри под ногами. На фоне высокой стены кипарисов покачивали бронзовыми, медными, желто-зелеными головками хризантемы. От них, от земли, от увядших листьев и от ковра ярких настурций, которые сплелись под хризантемами, поднимался, наполняя сад, печальный и прекрасный аромат осени.

Оторвавшись на минуту от работы, Зебеди глянул на Мэри сквозь цветы блестящими, как у малиновки, глазами, но ничего не сказал.

Он протянул рафию вокруг стеблей, завязал, и хризантемы кивнули ему своими взъерошенными головками. Остановившись на краю газона, Мэри неуверенно попросила:

– Можно, я тоже буду подвязывать?

Хризантемы вновь закачались, и из-за них вылетел моток рафии. Мэри подняла его и шагнула к цве-

* В Африке, а также на острове Мадагаскар растет такой вид пальмы. У него даже есть латинское название, которое так и читается: рафия. Из листьев этой пальмы делают – не веревку, а длинные, узкие полоски, мягкие, но прочные, вроде мочала, которые и используют садовники. (*Примеч. пер.*)

там. Внезапно чудовищная старая шляпа Зебеди вынырнула тремя кустами дальше, за огромным пурпурным георгином; садовник озабоченно шарил среди листьев, повернувшись к Мэри спиной.

Она посмотрела на моток рафии, решила, что это, должно быть, приглашение помочь, и пробралась между маргаритками и пламенеющими георгинами к хризантемам.

Медленно и осторожно начала она привязывать рафию к подпоркам и перекидывать через стебли растений, стараясь не задеть листья. Зебеди снова исчез, но из кипарисовой изгороди вылетела малиновка и уселась на подпорку для георгина, глядя на Мэри такими же блестящими старческими глазами, словно была вовсе и не птицей, а духом старого садовника, который он послал присматривать за цветами.

Солнечный луч неторопливо скользил по пестрой цветочной мозаике. Блестели виноградные листья, похожие на дорогой шелковый ковер, брошенный на стены дома. Красные кирпичные трубы, казалось, излучали тепло, до того ярко они смотрелись на фоне тусклого серого неба.

А потом Мэри слишком сильно потянула рафию и сломала хризантему.

Это было очень высокое растение, возможно даже самое высокое и прекрасное из всех, и сломалось оно с треском, который эхом отозвался в неподвижном воздухе. Листья поникли, огромный косматый шар печально склонился, лепестками касаясь земли.

Мэри испуганно уставилась на него.

И неожиданно — так же неожиданно, как до того исчез, — вынырнул откуда-то Зебеди, с гневом и отчаянием созерцая крушение своих надежд и усилий.

– Так я и знал, – горько промолвил он. Голос Зебеди, как и все в нем, казался частью сада. Высокий, хрипловатый, но странно музыкальный, он шелестел, как ветер в листве. – Так я и знал. Детям и собакам в саду делать нечего. Лучше уходи.

– Простите, – скорбно пробормотала Мэри и, вручив ему моток рафии, с несчастным видом побрела прочь.

В кипарисовой изгороди оказался просвет, а в нем – калитка. Тропинка, убегая из сада, проскальзывала под ней и устремлялась в лес.

По этой тропинке Мэри и поплелась, ничего не ожидая от жизни, по влажному ковру из коричневых и желтых листьев. Корни бука на обочине образовали чашу, в которой стояла черная вода и плавал пух чертополоха. Над ней козырьком крыши выступали оранжевые наросты каких-то больших древесных грибов, а посреди мха, слякоти и гниющих веточек уныло торчал пучок бледных поганок. Лето покидало леса, оставляя всюду увядание и безнадежность.

Мэри остановилась – и вокруг тяжело нависло молчание умирающих деревьев.

И тут вдруг, тихонько и ловко, грациозно, словно танцуя, на тропинку вышел небольшой черный кот. Он был черный весь, от ушей до кончика хвоста, даже подушечки лап у него были черными, даже усы и аристократические брови, которые кустились над зелеными-презелеными глазами.

Кот постоял на самой середине тропинки, посмотрел на Мэри. Потом рот его раскрылся, обнажив розовый треугольник языка и очень белые зубы, и кот что-то произнес.

Мэри подумала, что, возможно, на кошачьем языке это означало: «Как поживаете?» или «Слав-

ный денек сегодня». Но кот, судя по всему, ожидал ответа, и она сказала:

– Привет. Меня зовут Мэри Смит. А тебя?

Кот промолчал. Не исключено, что у него были дела и поважнее. Он повернулся к Мэри спиной и пошел себе по тропинке, углубляясь в лес; хвост его приветливо реял в воздухе. Он уходил, но не так, будто не желал иметь с нею дела, а так, словно приглашал с собой.

Довольная, что нашла компанию там, где меньше всего ожидала, Мэри последовала за котом. Дотронуться до него она даже и не пыталась. По всей видимости, кот точно знал, куда шел, так что погладить его, как это обычно делается, было бы по меньшей мере бестактно.

Кот вскоре свернул с тропинки, скользнул под спутавшиеся грозди снежнотродника и вскочил на сломанную дубовую ветку. Кое-как продравшись сквозь куст, Мэри подошла к коту, и тот посмотрел на нее в упор.

Тут-то Мэри и заметила, что за снежнотродником, в потайном уголке, под защитой поваленного сука растут небольшой клумбочкой цветы, каких она прежде не видала.

Листья, собранные в тугие розетки, были непривычного зеленовато-голубого цвета, все в каких-то пятнышках, как лягушачья шкурка; над ними на тонких стебельках висели цветы – грозди изящных пурпурных колокольчиков с серебряными прожилками внутри и ярко-золотыми пестиками, которые выглядывали из цветочных головок длинными острыми язычками. Мэри опустилась на колени у сломанной ветки; небольшой черный кот сидел рядом и, чуть помахивая черным хвостом, разглядывал ее зелеными-презелеными глазами.

Глава 2

О ТОМ, ЧТО ГРОХОЧЕТ ПО НОЧАМ

Небольшой черный кот с достоинством сопровождал Мэри до самого дома. Один стебелек странного пурпурного лесного цветка она взяла с собой.

Мэри вошла с черного хода. В кладовке на ящике сидел старый Зебеди, зажав между коленями древнюю, непрезентабельную с виду бадью. В бадье дымилось какое-то густое варево, и Зебеди яростно тыкал в него палкой. Он так и не снял своей уродливой шляпы.

Помня о сломанной хризантеме, Мэри приближалась к нему не без робости.

– Простите, вы не знаете, что это? – неуверенно спросила она, протягивая пурпурный цветок. – Я нашла его в лесу.

Зебеди, похоже, не держал на нее зла. Он хмыкнул, пронзительно глянув на нее из-под полей шляпы:

– Ага. Он растет в лесу, точно. Хотя уже много лет мне на глаза не попадался. Ты где его сорвала?

– У тропинки. На самом деле, его нашел кот.

– Кот? – переспросил Зебеди. – А-а, да.

Небольшой черный кот равнодушно посмотрел на него и принялся тереть лапой усы.

– Как его зовут? – спросила Мэри.

– Кота? Или цветок?

– Ну... вообще-то обоих.

Старый Зебеди помешал содержимое бадьи:

– Он здесь редко появляется, этот кот, он нездешний. Просто пришел однажды из леса. Я его зову Тиб.

– Тиб, – окликнула кота Мэри, чтобы проверить.

Кот на мгновение перестал умываться, бросил на нее короткий взгляд, а потом начал драить ухо.

— Их двое было, — рассказывал Зебеди. — Один черный, другой серый, но похожи как две капли воды: и размер, и глаза... Тиб и Джиб, вот как я их называл.

— Серого я не видела.

— В деревне, должно быть, обосновался, — кивнул садовник. — Все кошки так: выбирают дом получше, устраиваются там, и их уже не прогонишь... Я их видел вдвоем на прошлой неделе, сидели рядышком в потемках на ограде у дома священника — ни дать ни взять, пара совят. Я так полагаю, что они двойняшки. Тиб и Джиб я их зову.

Мэри посмотрела на Тиба. Тот закончил вылизываться и сидел тихонько, глядя на нее. Глаза его казались еще зеленее, чем прежде.

— Все-таки я надеюсь, что он останется тут, — сказала она. — Тиб, ты ведь останешься со мной? Он же не его — не священника, правда, Зебеди? Может, если сходить, попросить...

— Кошки ничьи, — ответил Зебеди. — Они где хотят, там и ходят. Тот, который Джиб, видно, пригрелся на кухне у священника, но этот, черненький, в последнее время крутится в саду днями напролет. Может, теперь он тут обоснуется, раз у него появилась компания.

— А как быть с Конфуцием? Мисс Маршбэнкс говорит, он кошек не любит.

Зебеди выдохнул смешок, который просвистел у него в легких, как ветер в далеких деревьях.

— Нет такой собаки, чтоб спокойно смотрела на кошку, — сказал он.

— Если он останется, мы с ним завтра пойдем поимем Джиба, — объявила Мэри. — А он, по-моему, здорово умеет искать. Так вы говорите, что знаете, как называется этот цветок?

Зебеди ковырнул палкой в бадье и снова хмыкнул.

— В первый раз попала в лес — и тут же его нашла. Помню, папаша мне рассказывал, как далеко надо было заходить в Редмэнорские леса за такими цветами... Давно это было, когда аптекари и доктора там всякие на каждом углу не жили и люди в деревнях сами готовили себе лекарства из трав. — Он кивнул в сторону пурпурных колокольчиков. — Да, так и есть, это тот самый, чудной, его днем с огнем не сыщешь. Он, говорят, растет только в одном месте и цветет раз в семь лет.

Мэри удивленно уставилась на Зебеди:

— Всего раз в семь лет?

— Ну да. Я же говорю: чудной.

— А для чего его собирают?

— Насчет порошков и микстур сказать не могу. Но поговаривали, что в нем какая-то волшебная сила.

— Волшебная?

Старый Зебеди потряс головой и снова помешал в бадье.

— Да сказка это, байка деревенская. Этот цветок, он наверняка есть в книгах, и имя у него там в полстраницы, да притом, небось, иностранное. Но раз он цветет на седьмой год, да еще тогда, когда все остальные цветы отмирают, — ну, тут и заподозрили колдовство. Еще говорят, что прежде ведьмы его выискивали по всем уголкам Черных Гор и там, где раньше был город; теперь там ничего нет, пруд один не больше лужи.

Странно было слушать его в будничной, чистой кладовке с яркими коробками стирального порошка на полке и алюминиевыми тазами, висящими над ней на стене, с вымытым до блеска полом, по которому протянулся бледный луч заходящего солнца.

Мэри посмотрела на гроздь колокольчиков на тоненьком стебле, и пурпурные головки качнулись на легком сквозняке, дрогнули золотые язычки...

«Волшебный цветок...» — она осторожно тронула пестик указательным пальцем.

— Глядите, Зебеди, золото тускнеет... Так как цветок называется?

— Я же говорил, — ответил старик, — я не знаю, как там в книжках, а в народе его больше не собирают. Но когда я был молодой, его звали «драконовы языки», «ведьмины колокольчики», «Тибов корень»...

— Тибов корень! — воскликнула Мэри. — Это же кот! Тиб! Он его для меня нашел!

Зебеди снова хмыкнул.

— Ну, значит, это ведьмин кот, — снисходительно сказал он. — А что, похож. Я его потому и назвал Тибом. Иначе был бы Черныш, или Уголек, а то и Трубочист.

— Он Тиб, и больше никто, — решительно заявила Мэри. — И я просто уверена, что это необычный кот. Смотрите, как он нашел для меня волшебный цветок — Тибов корень.

— Это только одно название, — заметил Зебеди. — Сам-то я зову его перелет-травой.

— Почему?

Садовник не ответил, а когда Мэри переспросила, принялся с такой скоростью взбивать варево, что она наконец заинтересовалась:

— А что в бадье, Зебеди?

— Отруби курам, — коротко ответил он. — Гнусные они, эти куры, только и знают, что клевать, клевать... Терпеть их не могу.

И, подхватив свою бадью, Зебеди, тяжело ступая, вышел из кладовки.

Мэри проводила его взглядом и повернулась к Тибу. Но кладовка была пуста. Когда она подбежала к двери и выглянула во двор, там тоже никого не оказалось.

Небольшой черный кот исчез.

Поздно ночью, когда Мэри давно уже была в постели и, конечно же, спала, случилась одна странная вещь.

В полудреме Мэри повернулась в теплой постели на другой бок, лицом к окну, и вдруг услышала это.

Далеко-далеко, над верхушками деревьев. Словно налетел со свистом порыв ветра.

«Ничего себе, – подумала Мэри. – Никакой это не ветер. Видно, буря начинается. Вот жалость, только я собралась завтра с Тибом...»

Звук повторился – громче, ближе.

Снова, набирая скорость, налетел сокрушительный ветер, принес с собой резкий свист. Стекла задрожали; виноградные лозы по всей стене зашуршали, словно великан провел по листьям своими огромными пальцами.

Мэри оцепенела, по коже побежали мурашки.

И вдруг – пронзительный крик.

Тяжелый удар – и крик оборвался, словно кричавший прикусил язык.

Тишина.

Но как только Мэри, с ног до головы покрываясь от страха «гусиной кожей», медленно села в постели, кто-то стал легонько скрести по карнизу.

Она осторожно протянула руку к ночнику, нащупала выключатель, сделала глубокий вздох и нажала кнопку. Комната осветилась, черное небо отпрянуло от окна. Но кусочек этой черноты остался на кар-

низе; он со стуком царапал стекло, сверкали два глаза...

У Мэри вырвался вздох облегчения, она выскочила из постели и бросилась к окну.

– Тиб! Тиб! Ох, Тиб, как же ты меня напугал!

Она распахнула половинку окна, и небольшой черный кот спрыгнул в комнату. Не обращая внимания на Мэри, он на полусогнутых лапах подобрался к середине ковра и встал там – шерсть дыбом, глаза горят, как фары, хвост яростно раскачивается из стороны в сторону.

Мэри склонилась над ним:

– Что такое, Тиб? Что случилось?

Кот ее не замечал. Взъерошенный, он свирепо глядел в окно зелеными глазами. Мэри выключила свет, вернулась к окну и посмотрела в темный сад.

Деревья позади газона казались едва различимыми тенями. Низко нависшие над ними облака немного раздвинулись, и показалась бледная мозаика звезд. Воздух был неподвижен. Не заметно никакого движения и на темном газоне.

А удар? А крик? Мэри закрыла окно, взяла Тиба на руки и стала приглаживать его сердитую шерстку. Подрался, наверное, с другим котом. Они и правда вопят ужасно, когда дерутся. Может, Джиб вернулся, и они поссорились? Даже двойняшки иногда ссорятся. Дженни и Джереми уж точно.

– Завтра мы его разыщем, и тебе придется с ним помириться, – сказала она Тибу.

Она забралась в постель, и Тиб, неожиданно замурлыкав, свернулся рядышком мягким и теплым клубком.

Когда оба уже засыпали, Мэри вдруг осенило.

– Тиб, – прошептала она в темноте, – Тиб, как же ты попал на мой карниз?

Тиб не ответил; он мурлыкал так, словно где-то там, между уютно сложенными лапами, умещался небольшой мотоцикл...

Г л а в а 3

ОДНАЖДЫ СЫРЫМ И ТУМАННЫМ УТРОМ...

И снова утро оказалось пасмурным. Облака, меж которыми красовались ночью звезды, опять сомкнулись. В неподвижном воздухе головы георгинов тяжело клонились над газоном. Георгины Мэри видела из окна комнаты, где она завтракала, — они алели на фоне кипарисовой изгороди. Тиб, который спустился к завтраку вместе с ней, цветами не интересовался. Он потребовал (и получил) блюдце молока, и Мэри, чувствуя за собой некоторую вину, надеялась, что кот вылакает его раньше, чем придет завтракать мисс Маршбэнкс. Бабушка Шарлотта, которую вообще мало что волновало, завтракала у себя в спальне.

— Тиб, побыстрее, пожалуйста, — прошептала Мэри.

Но Тиб наслаждался завтраком и не имел ни малейшего намерения поторапливаться. Его розовый язычок изящно зачерпывал молоко мельчайшими порциями — и все еще с самого края блюдца. Причем Мэри с испугом заметила, что по меньшей мере четверть каждой такой порции попадает на пол.

От двери раздался энергичный голос мисс Маршбэнкс:

— Доброе утро, моя дорогая. Ты уже позавтракала?

Мэри подскочила и обернулась. Тиб же никак не отреагировал, разве что пролил лишнюю каплю молока.

— Доброе утро, мисс Маршбэнкс. Нет еще.

— Что ж, позавтракаем вместе.

Вроде бы она не заметила Тиба с его блюдечком и направилась, как обычно, к своему месту во главе стола. Каждое движение мисс Маршбэнкс всегда было энергичным и продуманным (как и каждое слово), но этим утром в ее походке обнаружилась некоторая осторожность, а это означало, что у мисс Маршбэнкс, вопреки обыкновению, плохо гнутся суставы. Она и правда водворилась на свое место с величайшими предосторожностями, после чего разлила по чашкам чай, и завтрак начался.

Компаньонка бабушки Шарлотты являла собой полную противоположность своей приятельницы и хозяйки — как внешне, так и по характеру. Не очень высокого роста, худая, но живая, решительная, словоохотливая и — следует заметить — довольно властная. Она руководила домоправительницей, лавочниками и Бэнксами. Она руководила бабушкой Шарлоттой, толстой, добродушной и беспечной. Она руководила даже редмэнорским священником, хотя нельзя сказать наверняка, что жена его тоже попала в число лиц, руководимых мисс Маршбэнкс. Не руководила она стариком Зебеди, садовником, потому что он никогда не попадался ей на глаза. Едва завидев ее, он тут же полностью растворялся в пейзаже, как, скажем, зебра, олень или богомол. Мэри подозревала, что и Тибом, ведьминым котом, руководить окажется непросто.

Покончив с молоком, Тиб вслух поблагодарил Мэри (чем и привлек к себе внимание мисс Марш-

бэнкс), вспрыгнул на подоконник и стал умываться с абсолютно отрешенным видом.

Мисс Маршбэнкс воззрилась на кота, но не сердито, а с некоторым беспокойством – даже нервно, как показалось Мэри.

– Этот кот не из нашего дома, – отрывисто произнесла она. – Как он сюда попал?

Тиб посмотрел на Мэри. Девочка решила его не выдавать.

– Он был у меня в комнате, – объяснила она, не погрешив, в сущности, против истины. – Наверное, пришел в дом ночью.

Мисс Маршбэнкс снова взглянула на Тиба. Тот мыл мордочку с вызывающе независимым видом.

Мисс Маршбэнкс отвела глаза.

– Я уверена, милочка, – сказала она, – твоей бабушке не понравится, что ты держишь у себя в комнате кота. Но, возможно, – она сделала паузу и перевела колючий взгляд с яйца всмятку на Мэри, – возможно, тебе здесь несколько одиноко среди нас, стариков?

Мэри вежливо запротестовала, но мисс Маршбэнкс перебила:

– Ну, конечно, да! И вполне понятно, дорогая моя, вполне понятно; этот дом не для детей. Не для одного ребенка, я хочу сказать: компании-то тут было бы чем заняться... разные неисследованные местечки и все такое. – Она приветливо кивнула Мэри. – Жалко, священник уехал отдыхать, а то был бы у тебя товарищ по играм... и сад такой красивый, спускается к самой реке...

Мэри вспомнила симпатичного седовласого пожилого священника, который в прошлое воскресенье служил заутреню, и ей показалось несколько стран-

ным, что даже здравомыслящая мисс Маршбэнкс посчитала его годным в товарищи десятилетнему ребенку. Но, по всей видимости, мисс Маршбэнкс мало что знала о детях, и не менее очевидно было, что она старается проявить сочувствие, так что Мэри промолчала. Потом она вдруг вспомнила, что Зебеди ей рассказывал о двух котах на ограде у дома священника. Может, Тиб и Джиб оба оттуда, а сюда забредают подкрепиться? Может, Джиб еще в лесу, один, голодный? Она взглянула на Тиба – тот перестал умываться и смотрел на нее внимательно, словно читал ее мысли.

– Значит, дом священника пустует? – спросила Мэри.

– Нет-нет, – возразила мисс Маршбэнкс. – Нет, конечно. Пока священник с семьей в отъезде, там живет почтенный мистер Спенсер, ты его видела в воскресенье. Ты же понимаешь, бедный священник не может просто так уехать отдыхать и бросить свой приход. Приходится искать кого-то, кто проводил бы службы вместо него.

– Понятно. – Услышав слово «семья», Мэри решила прояснить вопрос до конца. – Значит, у него есть дети?

– Сын, Питер. Примерно твоего возраста, как мне кажется. Какая жалость, – повторила мисс Маршбэнкс, – что они уехали.

– А когда вернутся?

– Не могу сказать, милочка. Но не исключено, что сегодня выясню. Это как раз подводит меня к тому, что я собираюсь тебе сообщить. – Она поставила чашку и стала складывать салфетку. – Сегодня мы с твоей бабушкой обещали навестить одного старого, старого друга. Старинного друга, – прибавила она на случай, если Мэри не так поняла. – Это мероприятие

требует времени, так что, боюсь, ты сегодня остаешься совершенно одна.

– Ничего, – сказала Мэри. – Я поиграю с Тибом, поработаю в саду...

Компаньонка похлопала ее по руке:

– Завтра мы для тебя что-нибудь придумаем. Отправимся куда-нибудь... может, устроить пикник? – Она с сомнением посмотрела на серое осеннее небо.

Но Мэри с радостью ухватилась за это предложение:

– А можно? Можно, я сама его устрою – сегодня, а, мисс Маршбэнкс? Я пошла бы в лес, а еду бы взяла с собой! И сегодня так тепло, хотя солнца и нет. Можно?

Мисс Маршбэнкс обдумала ее просьбу.

– Ну, почему бы и нет, – кивнула она наконец. – Сентябрь уже, казалось бы, а так тепло, даже душно – да, конечно можно, детка. Я скажу миссис Маклуд, она тебе приготовит бутерброды. Только не заходи слишком далеко и не потеряйся.

– Ни в коем случае, – пообещала Мэри. – Мне просто хотелось посмотреть, что там за лес. – Неожиданно она вспомнила о пурпурной перелет-траве. Цветок стоял у нее в спальне, в стакане. Может, мисс Маршбэнкс знает его настоящее название?

– Я нашла... – начала она, но в этот момент вошла бабушка Шарлотта, и фраза повисла в воздухе.

– Деточка, – умиротворенно произнесла бабушка Шарлотта, целуя Мэри. – Ну, как ты сегодня?

Мэри созналась, что совершенно так же, как вчера.

– А ты хорошо спала? – спросила бабушка Шарлотта спокойным, монотонным голосом, какой бывает у очень глухих людей.

— Очень хорошо, спасибо. Один раз я проснулась...

— А что тебя разбудило? — резко спросила мисс Маршбэнкс.

Мэри напугал ее тон.

— Шум. Наверное, коты подрались, — сказала она, и мисс Маршбэнкс явно осталась довольна ответом. — И еще какой-то удар, как будто вдалеке гремел гром, — прибавила Мэри.

— Бугром? — переспросила бабушка Шарлотта. — О, Господи, тут уж ничего не поделаешь. Может, другой матрас...

— Не «бугром», а «гром», бабушка! — громко повторила Мэри.

— Да, моя дорогая, я знаю. Эти бугры в постели ужасно раздражают, — сочувственно вздохнула бабушка Шарлотта.

Дальнейшие объяснения были прерваны явлением Конфуция, пожилого и — приходится признать — не очень приятного бабушкиного пса. И не успел Конфуций, пытаясь, приковылять в комнату, как увидел Тиба. А Тиб увидел его.

— О, Боже! — воскликнула бабушка Шарлотта, безуспешно пытаясь перехватить собаку.

— Господи, помилуй! — вскричала мисс Маршбэнкс. Она порывалась вскочить из-за стола, но лишь кое-как, морщась оторвалась от стула.

— Ой! — вскрикнула Мэри, которая вовсе не беспокоилась за Конфуция, зато очень беспокоилась за Тиба.

Но все тревоги оказались напрасными. Тиб, ведьмин кот, едва удостоил пекинеса тем, что называется Взглядом — с прописной буквы. И Конфуций, который устремился было вперед, пуская слюну в пред-

вкушении погони, вдруг замер, вспомнил, что у него неотложные дела совершенно в другом месте, и вышел из комнаты – с достоинством, как ему казалось; хотя поглядеть со стороны, так он просто поспешно уволакивал ноги.

Тиб ухмыльнулся, расправил усы и предложил Мэри открыть окно и выпустить его на утреннюю прогулку по газону.

Вскоре после того, как бабушка Шарлотта с компаньонкой отбыли навещать «старого, старого друга», Мэри, засунув в карман пальто сверток с бутербродами, вышла в сад искать Тиба и Зебеди.

Тиба нигде не было видно, зато Зебеди не скрывался: он катил тачку по дорожке, отделявшей газон от стены дома.

– Доброе утро, – сказала Мэри. – Вы Тиба не видели?

Зебеди на ходу покачал головой. Мэри потрусила рядом с тачкой.

– Понимаете, мы собирались искать Джиба, – объяснила она, – но Тиб после завтрака убежал, и я нигде не могу его найти.

– Еще появится, – ответил Зебеди, не останавливаясь. – С котами с ними всегда так.

– А вам помочь не надо?

– И цветы мои переломать заодно, да? – Но во взгляде, адресованном ей из-под полей чудовищной шляпы, запрета не было.

– Нет, правда. Может, найдется какая-нибудь работа попроще?

Зебеди поставил тачку и вынул из нее лопату, вилы и садовую метлу – пучок веток, привязанных к прочной рукоятке.

– Листья надо подметать, – сказал он, вручая Мэри метлу. – Этот сентябрь – неряшливый месяц. Вот. Мети. Авось большой беды не будет – если только ты мне еще и метлу не сломаешь.

Зебеди выдохнул негромкий звук, который можно было расценить как смешок, и, взявшись за лопату, начал перекапывать цветочную грядку под окнами дома.

А Мэри принялась подметать листья.

Казалось бы, ничего особо хитрого в этом занятии нет. Но когда метла выше тебя, управиться с ней не то что сложно, а почти невозможно. Сначала Мэри попыталась заставить метлу мести большими полукругами, но листья чуть взлетали из-под прутьев и, шурша, благополучно планировали каждый на прежнее место. Тогда Мэри ухватила метлу почти у самых прутьев и попробовала мести короткими прямыми движениями, но это очень выматывало, а листья в результате только перелетали с одного места на другое, чуть дальше.

А когда, наконец, Мэри сгребла вполне приличную кучу, откуда ни возьмись появился Тиб, сиганул с самую середину, пару раз перекувырнулся там, подкинул в воздух две пригоршни – или прилапни? – сухих листьев, трижды попытался поймать себя за хвост, после чего поскакал боком, изогнув хвост на подобие вопросительного знака.

– Ой, Тиб! – раздраженно воскликнула Мэри. – Не думай, пожалуйста, что после этого я стану с тобой играть! Придется тебе подождать, пока я закончу работу.

Мэри снова принялась за дело, собрала, в конце концов, в тачку целую гору листьев и покатила ее по той же дорожке, по которой удрал Тиб, – к компостной куче возле кухни.

Наклонить тачку ей не удалось, но она кое-как выгребла из нее груз и взялась было за ручки, чтобы трогаться в обратный путь, — но тут, совершенно случайно, взгляд ее упал на грудку палок и мусора, собранную для костра. В куче этой застряло нечто, что заставило Мэри приглядеться повнимательней.

Этим «нечто» была маленькая метла.

Когда девочка ее вытащила, оказалось, что она как раз подходящего размера, легкая, с хорошими, упругими березовыми прутьями. Довольная Мэри сунула ее в тачку и покатила свою находку к газону.

— Зебеди, смотрите, что я нашла! — позвала она, но старый садовник снова стал невидимым.

И Тиб тоже. По крайней мере, Мэри так думала до тех пор, пока по треску и колыханию липовых веток не догадалась, что он там. Маленький, если посмотреть с земли, черный кот изящно ступал по самой высокой ветке.

— Осторожно, Тиб! — крикнула Мэри, но, увидев, как легко и проворно он там расхаживает, снова принялась за работу, и под взмахами маленькой метлы листья стали послушно собираться в кучи.

День выдался хоть и пасмурный, но душный, небо едва не касалось верхушек деревьев огромными обвислыми облаками.

Липовые, дубовые, буковые листья, шурша, падали в неподвижном воздухе, чтобы потом пополнить рыжие и желтые кучи на газоне. Где-то пронзительно запела малиновка.

«Еще раз отвезу тачку, — подумала Мэри, — позову Тиба с липы и пойдем в лес завтракать». Зебеди,

видно, уже отбыл с той же целью, ибо ничто не наме-
кало на его присутствие.

Мэри сделала перерыв и немного постояла, опер-
шись на метлу. День был теплый, что правда, то прав-
да. Она откинула волосы с глаз, и как только это сде-
лала – заметила в траве пурпурный лучик. Одинокий
стебелек перелет-травы. Наверное, выпал вчера, ког-
да она несла свой трофей домой.

Мэри подняла его.

Но привядший цветок сломался у нее в руке, и по
пальцам потек сок – пурпурно-красный сок лепест-
ков и тускло-золотой – пестика-язычка. Мэри сунула
смятый цветок в карман, поспешно вытерла липкую
руку о древко метлы.

И снова принялась было мести.

Тогда-то все и произошло.

От пурпурного сока маленькая метла подпрыгну-
ла и брыкнулась, как пони.

Мэри машинально ухватила ее покрепче, но тут
метла как-то резко извернулась, девочка споткнулась
об нее и упала.

Однако земли она не коснулась.

Потому что как только она начала падать лицом
вниз, цепляясь за древко и путаясь ногами в прутьях,
метла встала на дыбы, энергично встряхнулась и
взмыла со свистом к вершинам деревьев, подобно не-
большому вихрю.

Когда она продиралась сквозь крону вместе с
Мэри, в панике вцепившейся в древко, раздался
визг, затрещали ветки, и Тиб, как белка, перелетел с
липы метле на хвост. Метла слегка дрогнула от толч-
ка, а потом стрелой взметнулась ввысь, к тяжелым
облакам.

ТАК ВЫСОКО НАД ЗЕМЛЕЙ

Не успела Мэри опомниться, как они оказались у самого облака, врезались в его нижний край и понеслись в вихрях серого тумана. То, что с земли виделось опрокинутым облачным куполом, эдаким мокрым провисшим холстом, превратилось – едва в него врезалась на лету метла – в массу подсвеченной пены, клочья которой непрерывно перемешивались. Метла неслась в этой пене, как по морю, беззвучно рассекая извивающиеся полосы тумана, а тянущаяся за нею дымка вела себя точь-в-точь как кильватерная струя от моторной лодки.

– Ой, Тиб! – закричала Мэри, и облако, как губка, впитало ее слова. – Тиб, что нам делать? Это же ведьмино помело!

Тиб не ответил, и встревоженная Мэри оглянулась посмотреть, не свалился ли он во время их безумного взлета. Помело от этого закачалось с такой силой, что насмерть перепуганная девочка решила больше и не пытаться смотреть назад. Она целиком сосредоточилась на том, чтобы изо всех сил, и руками, и коленями, держаться за древко.

Но все же краем глаза она заметила Тиба: тот распластался на прутьях, глубоко вонзив когти в палку; зеленые глаза горели, черный хвост полоскался на ветру.

Потом весь экипаж выскочил, как поплавок, из серого тумана под ослепительное солнце. Помело сбавило скорость, выравнилось и спокойно полетело над верхней кромкой облака. Ввысь уходило небо, необъятное и сверкающее, а внизу, насколько хватало глаз, простирались облака, словно равнина, покры-

тая свежевыпавшим снегом, слепящим, искрящимся всеми цветами радуги.

У Мэри захватило дух от восхищения и испуга.

– А я-то говорила, что ничего никогда не случится! Но слушай, Тиб, как же мы спустимся?

Как будто в ответ на ее слова, помело свернуло чуть влево, и Мэри услышала, как Тиб, у которого лапа соскочила с древка, сердито фыркнул.

Прямо по курсу громоздилось теперь темное кучевое облако – грозовая туча. Казалось, оно медленно надвигается на них неприступным айсбергом, царящим над изломами льдин. Но между белой равниной, над которой они летели, и озаренным вспышками основанием грозовой тучи Мэри различила своего рода залив – большой темно-зеленый провал. Туда-то, задрожав от прутьев до кончика рукоятки, и ринулась, набирая скорость, волшебная метла.

– Тиб! – взвизгнула Мэри. – Держись! Кажется, мы спускаемся... Ой! – Это последнее восклицание вырвалось у нее, когда помело одним броском перемахнуло через край облака и очутилось над зеленым «заливом», тянувшимся вглубь, вниз.

На секунду Мэри увидела какую-то местность с узором из серебристых нитей рек – словно там, внизу, расстелили карту... А потом все это пространство сместилось вбок, накренилось и встало на дыбы: помело опустило древко и вошло в глубокое пике.

Вниз, вниз, вниз... Встречный поток воздуха душил Мэри и старался оторвать от помела... Вниз, вниз, вниз, и вот уже серебристо-зеленая карта несет ей навстречу... вот она превратилась в зеленые холмы и извилистые реки, покрылась лесами, полями и живыми изгородями, проросла кустарником и цветами... И, наконец, Мэри увидела, что летит над

густыми кронами деревьев. А потом помело, быстро теряя скорость, запетляло вместе с тропинкой между живыми изгородями.

Изгородь слева сменилась высокой стеной с воротами – огромными, обрамленными колоннами, на которых застыли на задних лапах каменные грифоны. Ворота были заперты, но маленькое помело легко перелетело через них, пройдя дюймах в шести от поднятой лапы грифона, и направилось к виднеющимся вдали, за парком, дымовым трубам, в ту сторону, куда вела от ворот дорога.

Вскоре показался и дом – внушительных размеров сооружение, которое в прошлом могло быть и замком. Он был сложен из серого камня, стены его венчали зубчатые башни с бойницами, но местами виднелись заплатки из красного кирпича. Верхушку главной башни, видно, снесли, и на ее месте красовался стеклянный купол в виде луковицы; другая башня имела плоскую крышу, из которой вбок выдавалось нечто, весьма напоминающее доску трамплина.

В центре фасада поднималась к массивной двери широкая лестница. По одну сторону от центральной части здания тянулись крыши одноэтажных пристроек, сооруженных, должно быть, не так давно. На той же стороне, с которой они летели, размещалось что-то похожее на старинный конский двор: площадка, вымощенная некогда булыжником, а теперь заросшая сорняками, с конюшнями по периметру и каретным сараем. От парка его отделяла глубокая арка, увенчанная башенкой с часами, на которой беспокойно вертелся позолоченный флюгер-петух.

Помело сделало вираж, чтобы не врезаться в башенку, пронеслось над самой крышей каретного сарая, а потом плавно, как самолет, пошло на посадку.

Мэри наконец обеими ногами коснулась земли и вздохнула с облегчением.

– Ох, Тиб... – начала она, но так и не закончила фразу, потому что маленькое помело стало теперь довольно настойчиво стряхивать ее с себя. После первого же взбрыка Тиб с испуганным шипением спрыгнул на землю. После второго Мэри, пролетев несколько метров уже самостоятельно, с глухим стуком приземлилась на мозаику из сорняков и булыжника прямо у ног какого-то человечка, который без тени удивления наблюдал за происходящим, расположившись на старинной каменной колоде. В прежние времена ее использовали для того, чтобы садиться на лошадь, и потому называли сажальным камнем.

Глава 5

КОЕ-ЧТО НОВЕНЬКОЕ О ВЕРХОВОЙ ЕЗДЕ

Странный это был человечек: не карлик, но какой-то игрушечный. И такой тоненький, сморщенный, ссутулившийся под собственной тяжестью, что казался чуть ли не ниже Мэри. Лицо – смуглое, с резкими чертами, изрезанное морщинами, а глазки – маленькие, пронзительно-зеленые. На человечке были мятые бриджи и выдававшая виды куртка.

Когда Мэри, ошеломленная, растерянная, поднялась с булыжников, он вынул изо рта соломинку и изрек:

– Несколько уроков пришлось бы тебе очень кстати.

Мэри взглянула на него, отряхивая пальто:

– Уроков?

Он кивнул:

– Уроков верховой езды. Тогда бы ты не свалилась эдаким манером. Хотя это помело – скакун не из лучших. Уж больно ненадежное. Повезло тебе, что смогла так далеко на нем улететь.

Тут он сурово обратился к помелу на каком-то непонятном языке. Помело резвилось неподалеку, но едва человечек заговорил с ним, упало на землю и затихло.

Человечек встал с сажального камня и поднял помело.

– Ничего не понимаю! – воскликнула Мэри. – Кто вы? Где мы? Как это все случилось?

Человечек не обратил внимания на ее вопросы. Он похлопал помело и сунул его подмышку.

– Оно теперь смирное, но давай лучше мы с тобой поставим его в стойло, пока оно снова тебе не понадобится. Идем, покажу.

И, не выпуская помело из рук, он повел Мэри через двор к двери, состоявшей из двух половинок: нижняя была заперта на засов, а верхняя приоткрывала темное нутро конюшни. Человечек отпер половинку двери и вошел первым, Мэри – за ним. В солнечном луче, протянувшемся наискосок через открытую дверь, танцевали пылинки. Пол был выложен из грубого камня, и на нем в симпатичном беспорядке валялись ящики, солома, мешки, веревки – все то, что можно найти в любой конюшне. Даже пустые кормушки лепились к стенам. Не было только лошадей.

У стены напротив двери, каждая в небольшом отсеке, как на велосипедной стоянке, красовались штук двенадцать метел. Некоторые – пощипанные, старомодные, вроде той, на которой прилетела Мэри, а некоторые производили впечатление почти новых.

Человечек кивнул на них с презрительной гримасой и прислонил помело Мэри между двумя не первой свежести садовыми метлами.

— Чепуха новомодная. Механизация, это так называется. Летают, конечно, намного быстрее, но я предпочитаю старое доброе помело, на котором надо уметь летать. Как это. — И он поощрительно похлопал маленькое помело.

Он явно принимал все эти невероятные события как нечто само собой разумеющееся, поэтому Мэри, боясь показаться совсем уж невежественной, не рискнула задавать вопросы и только осторожно сказала:

— Да они и на вид новее, мистер... мистер?

— Фланагэн меня зовут. Дэнни Фланагэн. Но лучше, если ты будешь звать меня Дэнни. Новее, значит? Тогда взгляни-ка на это вот.

Он показал на блестящее новенькое древко, на котором болталась этикетка с надписью «Харродс».

— Новее, значит? — переспросил он с издевкой в голосе. — А как же, вчера только сделана. А из чего? Ни прутьев нет, ни хороших березовых веток, ничего. Главное — материал выдумать подиковинней да этикетку потом прилепить с каким-нибудь именем погромче, как тут. Нейлон они его зовут. — Он сплюнул. — Нейлон. И переключатель на три скорости. Ну, и что дальше? Дальше что, я тебя спрашиваю? Мотор приделают, вот что будет дальше. Видишь бумагу на стене? Мадам привезла на прошлой неделе. По ее мнению, говорит, мне это будет интересно. Интересно! Да ты только взгляни!

Бумага, вызвавшая раздражение мистера Фланагэна, оказалась страничкой из торгового каталога, прикрепленной кнопками к стене конюшни. На ней была картинка, а на картинке — очень красивая, улы-

бающаяся дама, которая сидела боком на какой-то замысловатой конструкции розового цвета и, проплывая на ней сквозь облака, похожие на мыльную пену, лила из кофейника дымящуюся жидкость. Внизу напечатано большими черными буквами: «Ведьмы! Фирма «Харродс» предлагает вам метолет!» Еще ниже шел текст, набранный шрифтом помельче, в котором Мэри уловила фразы вроде: «дистанционное управление... пастельные тона... двухтактный алюминиевый двигатель... оптическая труба с подстройкой и кофеварка с фильтром...» И совсем внизу микроскопическими буквами: «Цена 874 фунта 75 пенсов».

– Ну? – спросил мистер Фланагэн, свирепо глядя на Мэри. Та подумала, что никогда еще не видела таких ярко-зеленых глаз.

– Очень дорого, – ответила она, набравшись смелости.

Дэнни фыркнул:

– Да будь у меня в два раза больше денег, неужели ты думаешь, я польстился бы на это вот? Это я-то? Я – на этой дамской финтифлюшке пастельных тонов с алюминиевым двигателем? Метолет! – Голос у него стал прямо-таки ядовитым. – Лучше уж посадите меня на швабру или на один из этих новомодных американских самолетов. Да что говорить! Вот такие, как они, и отнимают у меня кусок хлеба с маслом.

– О-о, – удивилась Мэри, услышав вдруг такие привычные слова. – Разве у вас тут бывает хлеб с маслом?

Мистер Фланагэн уставился на нее:

– А почему ж им не быть? У тебя у самой-то, что, их нет? А может, ты прилетела из таких странных мест, где и правда этого не бывает?

– Нет, бывает. И они у меня, между прочим, с собой. Я привезла завтрак для пикника. – Мэри вытащила из кармана свой пакетик. – Хотите бутерброд, мистер Фланагэн?

Он покачал головой:

– Я своим займусь попозже. Но ты лучше ешь сейчас, а то времени мало. Идем на солнышко. – И прежде чем она успела спросить, что он имеет в виду, он вышел из конюшни и запер половинку двери.

Солнце очень славно припекало. Мистер Фланагэн вернулся на свое излюбленное место и похлопал по камню рядом с собой, приглашая Мэри. К огромному своему облегчению, Мэри увидела там Тиба: тот мирно сидел на солнышке и умывался. Мэри устроилась рядом с мистером Фланагэном и принялась за еду.

– А почему вы говорите, что эти новые метлы отнимают у вас кусок хлеба с маслом, мистер Фланагэн?

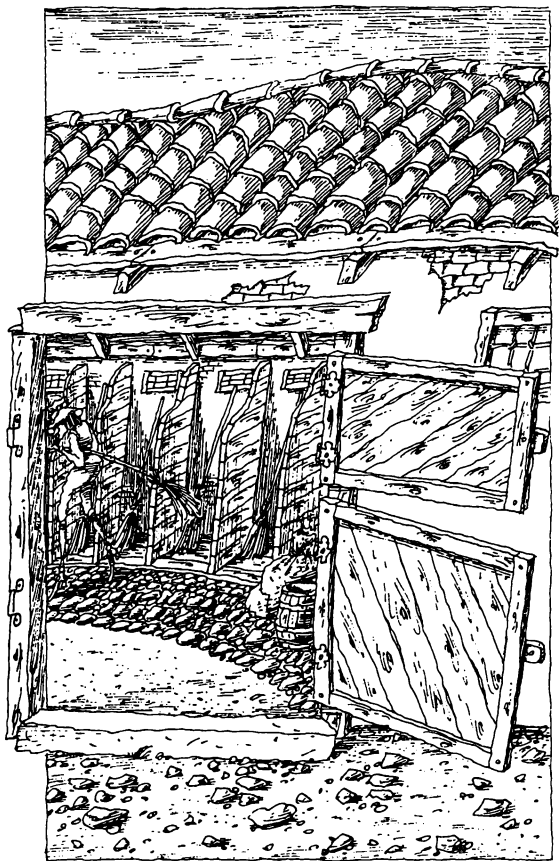
– Дэнни.

– Ну, Дэнни. Почему?

– У меня такая работа, – просто ответил мистер Фланагэн. – Всю жизнь я учу верховой езде. Причем настоящей, благородной верховой езде – не за рычаги тянуть и кнопки нажимать. Я учу, как удержаться на помеле при любых обстоятельствах, в любую погоду, на любой скорости и как справиться с норовистым помелом на высоте в тысячу футов безлунной ночью при надвигающемся шторме. – Он кивнул Мэри, сверкая своими зелеными глазами. – Это – езда! – сказал он. – А слова знать мало.

– Вроде тех, что вы сказали моей метле?

– Эти-то несложные. Это останавливающие слова. Но надо выучить и многое другое. А тебе, девочка моя, есть чему поучиться, я бы сказал. Что-то не при-

помню, чтобы я раньше тебя видел... Ты давно на занятия едешь?

– На занятия? – смущенно отозвалась Мэри. – Я... я еще ни разу не была. Вы имеете в виду занятия по верховой езде, на этом помеле?

– Я прекрасно знаю, что никаких уроков верховой езды тебе не давал, – ответил мистер Фланагэн. – Иначе ты бы не свалилась мне под ноги так, что едва двор насквозь не пробила. Нет, я говорю о других уроках, в Колледже.

– В Колледже? – снова повторила за ним Мэри. – В каком Колледже?

Он показал на арку под башенкой с часами, которая вела с конного двора в парк. По одну сторону от прохода на стене висела табличка. Мэри со своего места без труда ее прочла:

«Эндорский колледж.

Подготовку к экзаменам проводит
компетентный состав преподавателей,

Ведьм высокой квалификации
под руководством директора, Магистра Колдовства,
Черного Мага Мадам Мамблчук».

– В этом вот, – сказал мистер Фланагэн. – В этом самом Колледже, одном из самых лучших притом. А теперь беги давай, если уже поела. Не хочешь же ты опоздать в класс в первый день занятий?

– Но я не собираюсь... – Мэри недоговорила, потому что где-то внутри здания зазвенел колокольчик.

– Быстрее! – крикнул мистер Фланагэн, вскакивая с камня и стаскивая ее за собой. – Это первый звонок. Через три минуты тебя начнут искать.

Он взял Мэри за руку и потянул под арку.

– А мне больше хочется остаться и поговорить с вами! – упиралась Мэри. – Мне же необязательно туда идти, правда? Тут какая-то ошибка: на самом деле меня никто не ждет.

– Как же не ждет! Все знают, что ты здесь. Ты разве не слышала сигнал? – И, подгоняя Мэри, мистер Фланагэн кивнул на сверкающий флюгер. – Не видала, как он там крутился – вот-вот улетит? Идем, голубушка, идем, не волнуйся. Твой котик уже там.

И Мэри увидела, что так оно и есть. Тиб их опередил, рысью выскочив из-под арки в залитый солнцем парк. Там он остановился и оглянулся – с такой готовностью, с таким нетерпением, словно этого только момента и дожидался с самого начала их знакомства.

– Чуть было не забыл, – сказал мистер Фланагэн, поспешая рядом, – не пренебрегай этим, голубушка. Они тут очень строгие, очень. – И он указал на другую табличку, прикрепленную к той стороне арки, что выходила в парк, маленькую запретительную табличку: «Фамилиары* допускаются в парк только на поводке».

Мистер Фланагэн нагнулся (хотя правильнее было бы сказать: по-утиному нырнул) к возмущенному Тибу:

– Поводок у тебя есть?

– Нет. И никакой он не фамилиар. Он просто Тиб.

– Не фамилиар? Это такой-то черный, с глазами как изумруды? Ты мне еще, чего доброго, скажешь, что ты не ведьма. А ведь нам обоим прекрасно известно, что без уроков верховой езды на таком помеле далеко не улетишь, если не знать специальные слова. Давай, давай, второй звонок. Привяжи ему какую-нибудь веревочку – и вперед. Скорей!

* Ф а м и л и а р ы – животные или птицы, наделенные магической силой, живущие вместе с колдуном и ему помогающие. (Примеч. пер.)

Он так заразительно торопился, а Мэри так растерялась, что почти безотчетно сунула руку в карман пальто и вытащила кусок старой рафии Зебеди. Мистер Фланагэн с довольным возгласом за нее ухватился, а в следующий миг Мэри, не вполне понимая, как это произошло, осознала, что идет по посыпанной гравием площадке к парадной двери дома; один конец рафии она крепко сжимала в руке, а другой был достаточно свободно повязан вокруг шеи у Тиба, который выступал впереди – обиженно, но с большим достоинством. Их окружала такая тишина, что даже воздух, казалось, застыл «по стойке смирно», чтобы ее не нарушить. Ни одной, просто ни одной птицы не слышно было в кронах деревьев.

И вот они оказались у подножия широкой лестницы. Здесь тоже красовались грифоны. Они сидели на каменных постаментах, по одному с каждой стороны лестницы. На правом постаменте Мэри увидела очередную табличку простого и недвусмысленного содержания: «Нарушители подлежат превращению».

Мэри постояла, уткнувшись взглядом в эту табличку, а потом поспешно оглянулась. Мистера Фланагэна и след простыл. Причем, возвращаясь к конюшням, он запер за собой ворота. Арка оказалась замурованной сплошной дубовой плитой, окованной железом.

Парадная дверь Колледжа отворилась, и в конце лестничного пролета появилась высокая дама в черном. Она поманила Мэри.

Мэри посмотрела на Тиба. И Тиб в ответ обратил к ней свои зеленые-презеленые глаза, но на этот раз они решительно ничего не выражали.

Дама поманила снова.

И Мэри начала подниматься по ступенькам.

ПОЖАЛУЙТЕ В ГОСТИНУЮ

Итак, в дверях стояла дама, высокая и красивая. Ее черные волосы были собраны в большой пучок, низко, над самой шеей; подол длинного черного платья стелился шлейфом. И – бриллианты. Дама была буквально увешана и унижена бриллиантами. Кольца, подвески, броши, серьги размером с цветок маргаритки. Мэри, пожалуй, приняла бы ее за королеву или, по меньшей мере, герцогиню, но, похоже, Фланагэн и таблички не соврали, потому что дама приятно улыбнулась Мэри и сказала:

– Я – директор, мадам Мамблчук. Можете звать меня Мадам.

– Благодарю вас, – вежливо ответила Мэри, крепко держась за Тибов поводок.

– Добро пожаловать в Эндорский Колледж, – продолжала мадам Мамблчук глубоким протяжным голосом.

– Спасибо, – повторила Мэри, – но я не совсем уверена...

– Вы, конечно же, новая ученица? – спросила директриса, сверля Мэри взглядом. – Когда я увидела, как вы идете со своим фамилиаром... – Она махнула рукой на Тиба. – Я сразу поняла, что вы одна из нас. Вы ведь не нарушитель?

Мэри помнила, что участь нарушителей в этих краях весьма плачевна. Могут превратить. А она не имела ни малейшего желания во что бы то ни было превращаться.

И она твердо сказала:

– Я новая ученица, Мадам, благодарю вас.

– Превосходно, превосходно. Я уверена, что все у вас пойдет отлично.

Директриса повернулась и пошла в дом. Внутри оказался широкий вестибюль, налево от входа виднелась открытая дверь – в кабинет, должно быть. Мэри заметила большой стол, книжную полку и картотечные шкафы у стены. На двери висела табличка «Директор». Все настолько привычно, что Мэри успокоилась.

У двери кабинета мадам Мамблчук замедлила шаг:

– Давайте уточним: вы поступаете в интернат или просто на дневное отделение?

– На дневное отделение, пожалуйста, – поспешно сказала Мэри.

– Так. Остается решить, с какого класса вам начинать, и вы будете считаться зачисленной. Как ваше имя, милочка?

– Мэри Смит.

Мадам Мамблчук посмотрела на нее в задумчивости:

– Ну да, конечно. Это обычное явление. Вы, я думаю, шестьдесят третья. Или шестьдесят четвертая?

– Шестьдесят четвертая кто? – испуганно спросила Мэри.

– Шестьдесят четвертая Мэри Смит, – пояснила мадам Мамблчук. – Ведьмы обычно предпочитают учиться под вымышленными именами и выбирают себе самое лучшее. Вот если бы к нам когда-нибудь попала настоящая Мэри Смит... Но это все не важно. Идемте, посмотрим классные комнаты, а потом обсудим, на какие курсы вас зачислять.

В конце холла расходились налево и направо два коридора. Мадам Мамблчук повернула в правый.

– Другой ведет в жилые помещения, – заметила она, и Мэри вспомнила низкие постройки, которые видела сверху, с помела. – В классные комнаты и лаборатории – сюда. Прошу, мисс... э... Смит.

– Но я и правда Мэри Смит! – воскликнула Мэри, поспевая за ней по длинному полутемному коридору, конец которого терялся в зеленоватых тенях.

Но директриса ее не слышала: она открывала дверь в так называемую классную комнату.

Подобных классных комнат Мэри не то что ни разу не видела, но даже и представить себе не смогла бы.

Во-первых, она была темной – настолько, что Мэри с трудом различила лица учеников, сидящих за партами напротив учительской кафедры. Во-вторых, она была маленькой: в ней занимались всего семь учеников. Единственным источником света служила свеча с ярким зеленым пламенем. Она стояла перед учителем, придавая его лицу весьма необычное выражение.

Учитель был старым, и при таком странном освещении казалось, что у него зеленые глаза, зеленые волосы и борода и кожа тоже зеленые. Именно таким Мэри всегда представляла себе водяного – только этот был старше, зеленее и, надо сказать, не слишком цветущий на вид, какой-то заплесневевший. Он сидел, отбивая по столу такт длинным когтистым пальцем, а ученики за партами что-то нараспев декламировали в потёмках.

Сначала Мэри показалось, что они читают вслух детские стишки, а может, и таблицу умножения; во всяком случае, она знала, что раньше в начальных школах вроде той, где училась ее бабушка, так было принято. Под стать свече, подумала Мэри, и длинному черному платью Мадам, и ее старомодной прическе... Но потом она разглядела, что ученики – вовсе не

дети. Неровный свет свечи выделял из темноты только их лица, которые, казалось, тоже колебались посреди зеленых теней. Две дамы в летах, пожилой джентльмен с рябоватым круглым лицом, еще три дамы помоложе и седьмой ученик, которого Мэри сперва приняла за ребенка, но потом разглядела, что он карлик и притом весьма среднего возраста. И они бубнили хором вовсе не те известные Мэри детские стихи, а какие-то странные, в которых что ни строчка – то ошибка. То есть поначалу стихотворение показалось знакомым, но потом смысл как-то ускользнул, и впечатление осталось невнятное, если не сказать – неприятное:

Киньте скрюченным мешком
В скрюченную кошку;
Проползите с ней тайком
Скрюченной дорожкой;
Заверните напослед
Кошке хвост колечком,
Посадите в лунный свет
На кривом крылечке.
Жадно съест она тогда
Скрюченную мышку
И исчезнет навсегда
В скрюченном домишке.

Мэри догадалась, что это какой-нибудь заговор или заклятье, но вот для чего? Едва ли это имело что-либо общее с летающей метлой, с Тибом и сказочно красивым цветком перелет-травы.

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышла ведьма погулять.
Кто навстречу ей пойдет,
Прямо в Колледж попадет.

Как только Мэри в сопровождении мадам Мамблчук показала в дверях, хор сбился и замолчал. На нее уставились восемь пар глаз – все откровенно зеле-

ные. Мэри оробела, но тут что-то мягкое прикоснулось к ее ноге; она вспомнила о Тибе, быстро наклонилась и погладила его. Шерстка его стояла дыбом, но она была шелковистой, настоящей, и это успокаивало.

– Тут у нас первый класс, практические занятия, – пояснила мадам Мамблчук. – Простейшие заклинания: как сделать молоко кислым, репу – вялой, как добиться, чтобы у коров пропадало молоко. Во второй четверти мы уже поднимаемся до таких вещей, как заклинания, вызывающие боли, судороги и агонию. Третья четверть посвящена закреплению пройденного и полевой практике, а в декабре – экзамены. – Она сделала паузу. – Мы устраиваем дни отдыха – полные пикники; хотя это, как правило, для тех, кто живет при Колледже. Ну и, разумеется, летные уроки. Да, кстати: нет надобности, милочка, пролетать мимо конюшни, это нервирует сторожевой флюгер. Вы, возможно, заметили нашу частную посадочную полосу на северной башенке.

– По-моему, да, – сказала Мэри.

– Тогда, пожалуйста, в следующий раз приземляйтесь там. И, конечно, мы ожидаем, что все наши ученики, в том числе и приходящие, примут участие в наших ежегодных слетах в Гарце тридцатого апреля.

Мэри не нашлась, что ответить, но директриса и не ждала ответа. Она подала знак старичку на кафедре, и декламация возобновилась:

Эники-беники ели вареники,
Смокинги, пудинги, гвозди и веники.
Эники-беники – ам!
Треснул живот пополам!

Мэри поскорее наклонилась и снова дотронулась до Тибы, а потом, повысив голос, чтобы перекрыть хоровое бормотание, спросила:

– Вы что-то говорили о лабораториях, Мадам. У вас есть научная кафедра?

– Да, разумеется. У нас есть Углубленный Курс Наук, его ведет один из самых выдающихся колдунов, доктор Ди. Вы должны были о нем слышать*. Но готовы ли вы уже к научным изысканиям? Вы кажетесь такой юной...

– У меня папа – ученый, – сказала Мэри. – Профессор.

Мадам подняла брови:

– В самом деле? И где, позвольте узнать?

– Кембридж! – Мэри вынуждена была кричать, иначе голос тонул в невероятно шумном скандировании заклинания бородавок:

Дымоходы, сажай вейте,
Кожу точками усейте.
Пусть на каждой черной точке
Бородавка мигом вскочит!

Ее слова явно произвели на Мадам впечатление. Они вышли из класса, и дверь, закрывшись за ними, отрезала их от хора.

– Гормбридж? Тогда он должен быть магом высочайшего класса. Неудивительно, что вы одарены не по годам, мисс Смит. Он сам вас обучал?

– Да нет, не совсем, – сказала Мэри. – Он только читать меня научил перед тем, как я пошла в школу. Ну, и все эти стихи я, конечно, знала, когда была еще совсем маленькой, только они немножко не такие.

* Во всяком случае, в шестнадцатом веке англичане должны были слышать о Джоне Ди – алхимике, астрологе и математике. Это, что называется, историческое лицо. Только в истории он был, судя по всему, симпатичнее, чем в этой сказке. (Примеч. пер.)

– Другая версия? Очень интересно. Эти региональные вариации порой дают в высшей степени поучительный материал. Надо сравнить, моя дорогая мисс Смит, надо сравнить. А ваша мать? Она, несомненно, тоже... получила образование?

– Да. Она тоже училась в Кембридже. Она была папиной студенткой.

– Не может быть! Так, значит, вы унаследовали талант по обеим линиям! Для нас большая радость принимать вас в Эндоре. Весьма многообещающее пополнение. А где сейчас ваши родители?

– Они за границей, а меня вот на время отправили за город.

– И послали ко мне. Я польщена, крайне польщена. Конечно же, мы немедленно вас зачислим. Надо, чтобы вы сегодня же начали занятия. В каком классе вы были в Гормбридже?

– В третьем.

– В третьем? Тогда вы уже, без сомнения, проходили заклинания и более сложные. Наш первый класс вы уже обогнали.

– Это про вялую репу? У нас для таких вещей заклинаниями не пользуются, – сказала Мэри, которой начинала нравиться беседа. – У нас на это химикаты.

– Методы меняются, методы меняются, – проговорила Мадам. – Но основы магии остаются теми же. Можно в короткое время произвести совершенно невероятные разрушения при наличии нужных ингредиентов. А невидимость вы уже проходили?

– Нет, – ответила Мэри. – Но хотела бы, очень.

Она и правда хотела. Директриса, похоже, ни о чем не догадывалась, и можно было радоваться приключению и весь день притворяться, а в конце маленькое помело обязательно отвезет ее домой.

Но, припомнив фантастическую зеленую свечу, влажные глаза бормочущих учеников, противные стишки, Мэри решила, что никогда больше сюда не прилетит. Никогда. Пусть это захватывающе, и интересно, и совершенно безопасно, но... внезапно она поняла, что лучше снова оказаться в Редмэноре и в одиночестве подметать листья на осеннем газоне.

Мадам Мамблчук открыла дверь в следующую классную комнату.

— Второй класс. Занятия по невидимости, — объявила она.

Тут все было по-другому, более привычно. Просторная комната с колоссальными окнами, сверкающими от солнца. Длинный стол с кафедрой для преподавателя, а за ним — доска, красная доска с надписью, сделанной желтым мелом. Напротив доски рядами стояли парты, около тридцати в общей сложности. Комната была пуста.

Мэри уже собиралась спросить, куда все подевались, но мадам Мамблчук с явным удовольствием произнесла:

— Ну, занятия, я вижу, идут успешно. Сто процентов. Это радует. Хорошая формула, это совершенно очевидно. Может, рискнете, мисс Смит?

Она указала на доску. Надпись не так-то легко было прочитать, потому что, во-первых, написано было небрежно, а во-вторых — из угла в угол доски, наискось, а не прямо. И вообще, на иностранном языке.

Новообретенная уверенность Мэри внезапно ослабла.

— Н-нет, спасибо, я не уверена, что сейчас смогу, — сказала она.

И снова Мэри чуть не спросила, где же класс, но тут началось нечто совсем уж странное. Прямо перед

ней, у пустой кафедры, что-то возникло. Сперва только тень, призрак в солнечных лучах. Бесцветные очертания человеческой фигуры и некоторое мерцание, в результате которого тень постепенно сгущалась, пока не превратилась в улыбку на лице вполне симпатичного человека. Все остальное возникло сразу – и вот он уже стоит на кафедре, положив руку на раскрытую книгу на столе. В другой руке он держал тонкую белую палочку, и Мэри сообразила, что она, очевидно, волшебная. Палочка время от времени чуть слышно шипела, и зеленые искры то отскакивали от нее, то капали с ее кончика, как вода из подтекающего крана.

– Доктор Ди, – сказала директриса. – Это – наша Мэри Смит. Мы ее зачисляем, и я не сомневаюсь, что она станет одной из самых способных наших учениц. Она уже знакома с началами магии. Ее родители – оба, доктор Ди, – обучались в Гормбридже.

– Какое прекрасное начало, – произнес доктор Ди, посверкивая глазами на Мэри. – И какое прекрасное имя.

– Вы знаете, – честно призналась Мэри, – на самом-то деле это не Гормбридж, а Кембридж.

– Эти локальные различия в произношении... – Мадам почти не прислушивалась, оглядывая пустой класс. – Как интересно... Ах! Доктор Ди!

Доктор вздрогнул, пригляделся, а потом закричал:

– Вы, вы... и вы, Гризель, не отвлекайтесь от работы! Сосредоточьтесь! Я вас отчетливо видел, всех троих!

Залитая солнцем классная комната была светлой, чистой и пустой, но Мэри показалось, что, пока он говорил, за тремя последними партами слабо мерцали

женские фигуры в длинных, свободных одеяниях, напоминающих халаты. Каждая держала в сложенных ладонях что-то похожее на стеклянный шарик. А потом они пропали в солнечных лучах.

– Сможете прочесть? – Доктор Ди указал своей волшебной палочкой на формулу. Зашипели зеленые искры, и желтые буквы заплясали по доске вверх-вниз, как мошकारа. – Ах, незадача – энергию забыл выключить! Вот, так-то лучше, теперь они не бегают. Почерк у меня не всегда разборчивый, но я надеюсь, что вы все-таки поймете. Это одно из моих собственных заклинаний, – прибавил он мечтательно, – и некоторые мои ученики считают, что оно гораздо проще, чем классические варианты.

– Разобрать совсем не сложно, – сказала Мэри. Тут она несколько грешила против истины, но ей не хотелось показаться невежливой.

– Правда? Правда? – Доктор Ди был доволен. – Может, это и не так надежно, как старая мерлиновская формула или формула профессора Фауста, но и с современностью приходится считаться. Ведь некоторые новые ткани, как оказалось, старым формулам не поддаются. С бархатом годятся почти любые средства, но синтетический материал из полиамида и ацетатных производных дезинтегрировать – просто наказание.

– На мне самой много нейлона, – заметила Мэри.

Не успела она договорить, как доктор Ди так весь и засиял:

– Правда? Тогда попробуем сейчас же, во что бы то ни стало! Вот, возьмите. Лишнего шара у меня нет, но это сойдет. – Он схватил со стола большую стеклянную чернильницу и вручил Мэри. В чернильнице было на три четверти чернил. Мэри заколебалась, но

Мадам с улыбкой кивала, а глаза доктора Ди горели энтузиазмом. «Что ж, – подумала Мэри, – почему бы и нет?» Она покорно взяла чернильницу двумя руками и почувствовала, что правая ладонь еще немного липкая от сока перелет-травы.

– Итак, – сказал доктор Ди, – вы знаете, что нужно делать. Читаете слова, медленно и ясно, потом смотрите в чернила и сосредоточиваетесь. Через некоторое время вы увидите, что исчезаете... Нейлон там, или еще что, но я уверен, что у такого юного зна-тока, как вы, сложностей не будет.

Поднимая чернильницу, Мэри почувствовала, как натянулась рафия старого Зебеди, все еще исполняющая обязанности поводка. Оказалось, что Тиб сидит на краешке кафедры и, взъерошив шерстку, смотрит на пустые парты.

– Он может их видеть? – спросила Мэри.

– Кошки могут видеть все. Именно потому они так ценны для нас, – ответил доктор Ди. – Причем среди всех фамилиаров – жаб, сов, летучих мышей – черная кошка с зелеными глазами стоит на первом месте. А этот – просто совершенство, жемчужина, вернее, изумруд среди кошек, я бы сказал.

– Да, да, – подтвердила Мэри.

Она решила, что посмотрит про фамилиаров в словаре, когда вернется домой. Впрочем, и так было ясно, куда клонит доктор Ди. Он явно был очарован и улыбался, глядя на Тиба.

– Абсолютно черные коты встречаются не так часто. Великолепно, великолепно. А поводок лучше передайте мне, мисс Смит. Если он дернет вас за руку и нарушит вашу концентрацию, вы ничего не увидите. Вернее, что-то вы будете видеть, а этого-то как раз быть и не должно! – Посмеиваясь собственной шутке,

он забрал у Мэри поводок и взмахнул рукой в сторону надписи на доске.

— Ну-с, мисс Смит из Гормбриджа, сейчас мы увидим... или не увидим!

Глава 7

ВЕДЬМА КОСМАМИ ТРЯХНУЛА, ВЕДЬМА МЭРИ ПОДМИГНУЛА

Все обошлось прекрасно. Доктор Ди прочел слова вместе с ней. Впоследствии Мэри пыталась их вспомнить, но так и не смогла. Едва успев произнести последнее, она наклонила голову и уставилась в чернильницу.

Сначала Мэри видела обыкновенные чернила: гладкая синяя лужа, края которой чуть приподняты, словно она вот-вот выплеснется. На поверхности лужи, образуя пленку, скапливалась пыль, словно чернила не жидкие, а твердые, как стекло. И, как в стекле, в них отражалась комната: там она была очень маленькой, но каждая деталь обстановки вырисовывалась четко, как на картине-миниатюре. Мэри видела и сверкающие окна (в чернильнице они стали крохотными изогнутыми светлыми полосками), и крашенные стены, и красную доску, и на их фоне — свое собственное отражение, тоже уменьшенное вогнутой поверхностью чернил. Отмечая каждую черточку, она смотрела на то же лицо, которое так торжественно изучала вчера в зеркале, в Редмэноре, желая, чтобы что-нибудь произошло...

Теперь это «что-нибудь» происходило. Маленькая фигурка в чернильнице становилась ярче, а отражение комнаты у нее за спиной затуманилось; цвета

начали смешиваться и расплываться. Изображение заколебалось, помутнело, поблекло, а потом стало уменьшаться, уменьшаться, уменьшаться, теряясь в глубине колодца. Потому что им-то и стала теперь чернильница. Мэри осознала вдруг, что склоняется над глубоким колодцем, цепляясь за край и глядя в черные глубины, где в вихре дымящейся тьмы поблескивало ее отражение.

Потом, так же мягко, как оплывает свеча, но гораздо быстрее, крохотное изображение распалось, на мгновение закрутилось вместе с дымом и исчезло...

Что-то впилося ей в ногу, вызвав резкую, острую боль, от которой Мэри так и подскочила. Это, должно быть, вывело ее из-под действия заклинания, потому что сквозь клубящийся дым снова слабо проступили очертания окон классной комнаты и, подобно далекому эху в колодце, до нее донесся вкрадчивый голос мага:

– Великолепно, великолепно. Что ж, будем возвращаться?

Он начал читать формулу – не ту, но слова показались ей знакомыми, и скоро Мэри поняла, что формула была та же самая, только произносил он ее наоборот. И в чернильнице все стало раскручиваться в обратную сторону. Снова появилось ее лицо на фоне тьмы, которая постепенно приобретала цвет и форму, превращаясь в залитую солнечным светом комнату, и вот Мэри опять увидела всего лишь собственное маленькое отражение в чернильной луже.

Она подняла голову, моргая на солнечный свет. У директрисы был довольный вид, а в классе то тут, то там безнаказанно возникали ученики и с любопытством наблюдали за происходящим.

Доктор Ди улыбался:

– Замечательно. Для первого раза – превосходно, просто превосходно. Гормбриджская подготовка называется, а? В следующий раз вы сможете делать это и самостоятельно, а пока, пожалуй, больше повторять не будем. Первое заклинание в четверти – не стоит погружаться в него слишком глубоко. А теперь, мне кажется, мадам Мамблчук хочет показать вам другие классы.

Доктор Ди вручил Мэри Тибов поводок, и, выходя с директрисой в тусклый коридор, Мэри слышала, как он напустился на появившихся не вовремя учеников.

– Сюда, – сказала мадам Мамблчук. – Думаю, вам это будет интересно. Здесь проходит научная практика, я сама ее веду. Преподавательница отсутствует, и тут уж ничего не поделать.

– Болеет?

– Можно сказать и так. Она слегка ошиблась в одном заклятье. С продвинутыми классами всегда сложно. Необходима, конечно, исключительная аккуратность. Здесь. – Она открыла дверь. – Что такое, мисс Смит?

Когда через открытую дверь в коридор хлынул поток света, Мэри остановилась и посмотрела на Тиба. Или, вернее, туда, где, как ей представлялось, полагалось Тибу быть. Конец поводка она держала в руке, и ей казалось, что она чувствует, как Тиб мягко натягивает петлю, но... Тиба не было. Только петля болталась... Нет, не болталась – плыла рядом с ней по воздуху, как если бы все еще была надета на небольшого черного кота.

Кот, однако, отсутствовал.

– Тиб! – воскликнула Мэри. – Мой кот! Он же все время был рядом со мной – я знаю, потому что он ме-

ня царапнул, чтобы вернуть из заклинания. Я его, наверное, потеряла...

– Вы его не потеряли. – Голос у мадам Мамблчук был спокойный и довольный. – Он все еще здесь. Вот, попробуйте его погладить.

Мэри нагнулась, протянула руку – и действительно нащупала теплый мех и гибкое, мускулистое кошачье туловище. Тиб плотно прижал уши к затылку, пока она гладила его по голове. Он слегка подрагивал, словно сквозь него пропускали электрический ток. И не мурлыкал.

Когда Мэри взяла его на руки, он зашипел.

– Вы куда? – довольно резко окликнула ее Мадам.

– Обратно к доктору Ди. На Тиба тоже, наверное, подействовало заклинание, но с обратной формулой там что-то не так, во всяком случае, для кошек. Пускай он его вернет.

Мадам Мамблчук рассмеялась:

– Детка, вы разве не понимаете, что каждый при желании может вернуться из этого состояния? Вы ведь вернулись, не так ли? И вы видели, что произошло с людьми в классе, когда они ослабили концентрацию внимания. Кошки в большинстве своем очень близки к магии. Ваш Тиб вернется, но когда захочет, не раньше. Вы чувствуете, как он волнуется? Поставьте его, а то ему сложнее будет возвращаться. Слышали, как он шипел? Вот так. Входите, я покажу вам нечто действительно интересное. В этот класс я вас, видимо, и зачислю с завтрашнего дня.

Третья классная комната несколько отличалась от предыдущих, и обстановка ее была Мэри знакома. Оказалось, что это лаборатория. Там стояли длинные столы с кранами и раковинами, стеллажи с колбами и пробирками для опытов, были и горелки все с тем

же зеленым пламенем. На ближайшем к двери столе размещался сложный с виду прибор, и девчушка, ненамного старше Мэри, не то вываривала, не то настаивала на нем какие-то корни в голубой жидкости, источающей сладкий, тяжелый запах. Смесь эту она помешивала длинной беловатой штукой в форме кости. За следующим столом молодой человек делал записи в толстой желтой книге, поглядывая одним глазом в микроскоп. Рядом на столе стояла клетка с мышами. Еще кто-то лил густую зеленую жидкость на изумительной красоты белые кристаллы в тигле. От них с шипением поднимался едкий фиолетовый дым, пахнувший паленым волосом. В дальнем конце этой длинной комнаты стояла печь, и за ее прозрачной дверкой горел зеленый огонь. Маленькие, забранные решеткой окошки лаборатории лепились под самым потолком. Мэри заметила, как изменилось освещение снаружи; должно быть, она пробыла под воздействием заклинания гораздо дольше, чем осознавала.

— Я должна посмотреть, как идут дела у моих студентов, — сказала директриса. — Сядьте здесь и подождите меня. Я ненадолго. Занятия почти уже окончены.

Мэри послушно опустилась в кресло за преподавательским столом. Она почувствовала, что Тиб прислонился к ее ноге, но когда она наклонилась его погладить, он снова зашипел, и Мэри отпрянула. Она стала разглядывать лабораторию — все вроде бы обыкновенно, и в то же время так странно, даже дико, — и поняла вдруг, что ей тревожно, что ей очень хочется, чтобы Мадам поскорей закончила дела, распустила класс, записала бы ее и отпустила наконец.

Мадам Мамблчук медленно переходила от стола к столу, беседовала со студентами, склонялась над их работами, время от времени подсаживалась к ко-

му-нибудь, чтобы обсудить эксперимент. Мэри случилось раз или два бывать в лаборатории отца, и он там вел себя почти так же. Только та комната была светлой, чистой, там пахло прогретым солнцем воздухом, химическими препаратами и мастикой. В этой же пахло непривычно, даже неприятно, какой-то затхлостью, словно комнату долгое время не проветривали.

Из дальнего конца лаборатории доносился тихий голос Мадам. Капали и переливались из колбы в колбу разные жидкости, в клетке пищали и скреблись мыши. Печь гудела. Как-то не совсем ритмично тикали большие часы. Свинцовые гирьки были сделаны в форме мышей. Маятник раскачивался – туда-сюда, туда-сюда, тик-так, тик-так...

Пыль собирая в усах,
Мышь проживала в часах.
Пол мела без конца,
Хоть была из свинца,
И тикала тихо в часах...

Мэри вздрогнула и очнулась от дремоты. Там, высоко, за окнами уже смеркалось. Часы показывали без десяти шесть. Должны же когда-нибудь закончиться эти занятия? Еще полчаса, и мисс Маршбэнкс с бабушкой Шарлоттой вернутся домой, а Мэри надо успеть раньше, иначе могут возникнуть вопросы, на которые окажется непросто ответить. Мэри решила, что подождет директрису до шести, а потом твердо объявит, что ей пора.

Перед ней на преподавательском столе лежала стопка бумаг, прижатая стеклянным прессом в виде лягушки. На нем играли блики от горелок, и Мэри в конце концов стало казаться, что лягушка смотрит на нее зелеными глазами. Рядом стоял оловянный чернильный прибор, из чернильницы торчала ручка –

старомодное серое гусиное перо. Линейка с нацарапанными буквами – может, греческими, может, арабскими, а может, это вообще паук был нарисован... Куб с непонятными знаками на гранях. Медный треугольник с выгравированной на нем русалкой...

Сначала Мэри только рассеянно скользила взглядом по листам бумаги, а потом разглядела, что на них нарисованы животные, и заинтересовалась. Она сняла стеклянную лягушку со стопки рисунков и принялась их изучать.

То, что на рисунках были животные, не вызывало никакого сомнения, только Мэри таких раньше не видала. Одного зверька она приняла было за белку, но оказалось, что у него всего две ноги и тоненький крысиный хвост. Птице не нарисовали перьев, даже на крыльях. Еще что-то вполне могло сойти за ежа, будь у него глаза и нос, а так получалось нечто вроде морского ежа с лапками.

Рисунки напоминали те детские стишки: начинались вроде правильно, а получалось шиворот-навыворот. Мэри это ужасно не нравилось. Она засунула рисунки под стеклянную лягушку и посмотрела на часы. Осталось пять минут. Мадам Мамблчук все еще была занята беседой, но работа, похоже, близилась к концу. Один ученик выключил горелку под колбой, другой пошел к раковине отмывать какой-то аппарат. Молодой человек с микроскопом отложил работу, а книгу отнес на полку рядом со столом, за которым сидела Мэри. После этого он вышел из класса, а вместе с ним и некоторые другие студенты.

Книга его, между прочим, называлась «Заметки» – Мэри посмотрела. Едва ли это интересно. Толстый том в коричневом переплете, который стоял рядом, назывался «Метастазис», а написал его какой-то Да-

устерсвивел. Мэри решила это не читать. Зато следующая книга чем-то Мэри приглянулась. Она была старинной на вид, в мягком темно-красном переплете с красивым золотым тиснением на корешке, изображавшим кошку. Мэри сняла ее с полки и стала разглядывать под столом. На обложке тоже была вытиснена кошка, и заглавие, выполненное старинным шрифтом, вилось вокруг нее, как надпись на монете. Называлась книга так: «Великие Заклятья».

Мэри раскрыла ее. Бумага внутри оказалась плотной и гибкой, почти как кожа, и волнистой по краям. На форзаце широким, размашистым почерком, наверняка принадлежавшим мадам Мамблчук, было написано на старинный манер: «Только для старшекласников. С собой не уносить».

Тот же старинный шрифт Мэри увидела и в самой книге. То и дело попадались чертежи, как в учебнике геометрии, только другие: причудливые комбинации кругов, треугольников и еще каких-то фигур, названий которых Мэри не знала. Взгляд ее задержался на одном из заголовков: «Как выбирать объекты для превращений». На следующей странице стоял заголовок попроще: «Как отпирать замки».

«А вот это, — подумала Мэри, — очень даже может пригодиться, если нам с Тибом надо будет отсюда выбираться». Ей даже самой себе не хотелось признаваться, до какой степени ей тут было не по себе. Она не сомневалась в том, что и Тибу не по себе: если даже он, в каком-то смысле, и привел ее сюда или подстроил так, чтобы она сюда попала, то почему, спрашивается, теперь он так упорно оставался невидимым?

Последние ученики собирались уходить. Поколебавшись, Мэри украдкой сунула красную книжку себе в карман.

Часы щелкнули, зажужжали и пробили шесть. Между столами шла, улыбаясь, мадам Мамблчук, и ее бриллианты отсвечивали зеленым.

Глава 8

ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?

— Ну, моя дорогая, — объявила мадам Мамблчук, — на сегодня занятия окончены. Остается только зайти ко мне в кабинет, вы там распишетесь, я вам дам наш проспект, и завтра утром мы вас ждем.

Мэри с облегчением поднялась с кресла; ей даже стало немного стыдно, что она так испугалась. Книга оттягивала карман, но незаметно поставить ее на место уже не получалось: мадам Мамблчук быстро обошла стол и остановилась рядом с полкой.

— Одну секунду, я только уберу свои книги под замок, — сказала она и, шурша своим черным одеянием, сняла с полки дюжину книг. — На ночь они отправляются в сейф. Ни одна не покидает стен этой комнаты. Вы, конечно, понимаете, почему.

И директриса направилась к двери, которую Мэри прежде не заметила, — как раз за стулом преподавателя.

— Мадам Мамблчук... — виновато начала Мэри.

— Секунду, — отозвалась та. — Пожалуйста, помолчите.

Прижимая к груди стопку книг, она стояла напротив двери сейфа и что-то тихонько бормотала. Слов Мэри разобрать не могла. На двери не было ни замка, ни замочной скважины, только бронзовая ручка в виде морского конька. Мадам взялась за нее и потянула.

Раздалась серия щелчков, мягких и ритмичных, и дверь начала раскрываться. Она оказалась огромной, тяжелой, из металла толщиной сантиметров в тридцать. К удивлению Мэри, сейф был освещен, и не зеленым светом, а обычным, тускло-желтым. Мадам Мамблчук вошла с книгами, а дверь оставила нараспашку.

— Будьте так любезны, мисс Смит, подайте мне бумаги с моего стола, — попросила она оттуда. — И пресс-папье тоже. Я его всегда запираю на ночь вместе с остальными. Дополнительные предосторожности не помешают, не так ли? — прибавила она с усмешкой.

У Мэри появился шанс: она вытащила красную книгу из кармана, положила на стопку бумаг и понесла все это вместе со стеклянной лягушкой в сейф.

И — что странно — Тиб бежал впереди, натягивая поводок.

У самой двери стоял большой шкаф, в него-то и убирала книги мадам Мамблчук.

— Это вам тоже, наверное, понадобится, — начала Мэри, — я просто посмотрела... — И, ахнув, смолкла на полуслове. В сейфе был не только книжный шкаф.

Начать с того, что комната оказалась гораздо больше, чем думала Мэри: почти такого же размера, что и лаборатория. Мягкий свет лампы у двери освещал лишь один конец, оставляя все остальное в тени.

И счастье, что в тени: вся длинная сумеречная комната от пола до потолка уставлена была клетками. С прутьями и металлической сеткой. Они стояли рядами, одна над другой, как полки в огромной библиотеке. Были еще и ниши в стене со встроенным клетками. Часть из них, поближе к двери, пустовала, но из тех, что стояли в тени, смотрели глаза — глаза

маленьких существ; смотрели не мигая, привлеченные светом лампы. Кое-где чувствовалось движение, словно чьи-то лапки или крохотные ножки тянулись сквозь прутья, но большей частью эти существа, кем бы они ни были, сидели молча, нахохлившись, в самых дальних и темных уголках своих тюрем.

Услышав, как Мэри ахнула, мадам Мамблчук оглянулась:

– Интересно, правда? Я так и думала, что это произведет на вас впечатление. Некоторые наши ученики добились очень неплохих результатов, экспериментируя с превращениями. Но есть, конечно, и неудачи. – Мадам весело рассмеялась и показала на ближнюю клетку: там, безразличное ко всему, лежало спиной к ним какое-то жалкое создание, покрытое оранжевой шерстью и клочьями чешуи. Оно вроде бы спало, прикрывая глаза от света двумя скрещенными лапками, но Мэри показалось, что оно вполне в сознании. Она уже узнала один из рисунков со стола Мадам.

– Чудесно, – сказала Мэри.

Мадам Мамблчук нагнулась над клеткой и стала стучать по сетке, но существо даже не пошевелилось. И тогда Мэри, недолго думая, снова опустила книгу Великих Заклятий себе в карман.

– Вот ваши бумаги, Мадам.

– А, благодарю вас. – Мадам Мамблчук оставила в покое запертое в клетке существо, небрежно сунула бумаги и стеклянную лягушку в шкаф и заперла дверцу. Отсутствия книги она не заметила. – Более подробно я все вам покажу завтра, дорогая моя. Ну, а теперь вы, я полагаю, хотите вернуться домой.

– О да, пожалуйста! – Мэри до сих пор и не представляла, что когда-нибудь готова будет благодарить

за перспективу вернуться в Редмэнор к бабушке Шарлотте. — И мне надо торопиться, Мадам. Скоро дома начнут беспокоиться.

— Тогда поспешим.

И директриса быстрым шагом направилась к двери сейфа, шелестя своими черными одеждами. Мэри не отставала, волоча за собой Тиба, который почему-то не хотел уходить. Они вышли в лабораторию, и дверь сейфа с мягким щелчком закрылась за ними.

В лаборатории было пусто. Все ученики ушли, выключив за собой горелки, и только в печи гудело зеленое пламя. Тиб все тянул поводок назад. Мэри быстро подхватила его на руки и крепко прижала к себе. На это раз он не фыркал и не царапался, она слышала его мурлыканье, идущее откуда-то из горла, и чувствовала, что он все еще дрожит от непонятного ей напряжения.

Кабинет директрисы представлял собой приятную, совершенно обыкновенную комнату, обставленную в деловом стиле, с книжными полками (на них стояли вполне обычные книги, вроде «Кто есть кто», «Что есть что», «Самоучитель магии»), пишущей машинкой и большим столом. Мэри переминалась с ноги на ногу в дверях, обнимая невидимого Тиба, а Мадам достала из ящика большой журнал и раскрыла:

— Имя? Вы по-прежнему желаете быть зачисленной под именем Мэри Смит?

Мэри раскрыла было рот, собираясь в очередной раз протестовать и настоять на том, что это ее настоящее имя, но передумала. Это не имело значения, поскольку возвращаться она не собиралась.

— Да, если можно.

Директриса вписала имя тем самым твердым, размашистым почерком, который Мэри видела в книге.

– Очень хорошо. Мэри Смит – шестьдесят четыре. – Мэри заметила, что она записала это римскими цифрами: LXIV – и аккуратно подчеркнула. – Ну вот. Среди нас вы будете известны под этим именем. Адрес?

– Редмэнор, Шропшир.

При этих словах Мадам бросила на Мэри совершенно пронизывающий взгляд.

– Да? – Мэри показалось, что директриса хотела еще что-то прибавить, но та лишь приподняла брови, кивнула и снова склонилась над записями. И тут Мэри, вытянув шею, подсмотрела в журнале нечто поразительное: предыдущая запись выглядела точно так же – «Мэри Смит LXIII, Редмэнор, Шропшир».

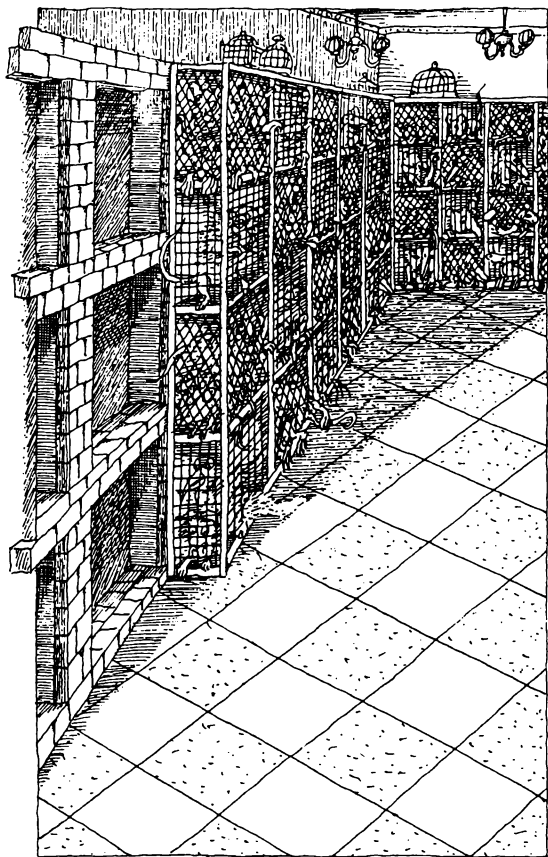
Мадам захлопнула журнал:

– Все. Вы теперь наша. – Она убрала журнал в ящик, а Мэри вручила конверт. – Это наш проспект. Плату за обучение мы обсудим позднее, но можете мне поверить, мы в высшей степени благодарны за щедрое пожертвование. Очень многие поступающие не задумываются над тем, что небольшой вступительный дар не только весьма уместен, но – скажем так – это прекрасное начало для карьеры в Колледже. Когда вы найдете время над этим поразмыслить, вы, я уверена, увидите все именно в таком свете.

– Не понимаю... – сказала Мэри.

Мадам добродушно улыбнулась:

– Все в свое время, дорогая моя, все в свое время. Пока все для вас так ново... Итак, завтра в десять, и тогда обсудим, чем вы будете заниматься. Пожалуй, несколько уроков алхимии и навыки обращения с астробией при полетах по приборам будут не лишними. Но я считаю, – я действительно так считаю, – что дочь такого отца может начать непосредственно с трансформации.

– Спасибо, – ответила Мэри. К счастью, она ничем не выдала тревоги. – Знаете, Мадам, мне совсем уже пора домой. Бабушка любит, чтобы к половине седьмого я была уже умыта и переодета, и...

– Вот незадача, – безмятежно сказала Мадам, взглянув на часы на стене, – тогда вам, несомненно, надо ехать. Боюсь, что наша частная посадочная полоса уже закрыта – для всех, кроме живущих здесь; но Дэнни будет держать ваше помело наготове у двери.

Так и оказалось. Дэнни стоял в густых сумерках у подножия парадной лестницы с маленьким помелом, которое у него в руках выглядело как совершенно обыкновенная метла. Мэри, пока она бежала вниз по лестнице, вдыхая свежий ночной воздух, даже охватил испуг: а было ли это утреннее путешествие? Летала ли она на самом деле? И сможет ли полететь снова?

– Оно найдет дорогу? – озабоченно спросила Мэри, и мистер Фланагэн ободряюще хмыкнул:

– А то как же. У них у каждого свой маршрут. Домчит тебя до дому одним броском, как какой-нибудь кузнечик, только держись. Давай, голубушка, я его придержу, пока ты будешь садиться. Ну, не балуй! – Последняя реплика относилась к помелу, которое повело вбок, как только Мэри попыталась на него сесть.

– Давайте, я подержу кота, – сказала мадам Мамблчук и забрала Тиба у Мэри из рук. Тиб недовольно подвывал, пока Мадам возилась, привязывая поводок к древку метлы, вой стал громче, и под конец Тиб уже жаловался в полный голос.

– Стой, кому говорят! – прикрикнул на помело мистер Фланагэн. – Держись, голубушка! – И шлепнул маленькое помело со словами: – Домой пошло!

Слова возымели действие. Все получилось, как в

прошлый раз. только теперь помело никаких фортелей не выкидывало, а взмыло ввысь по ровной траектории, как ракета. Воздух свистел в березовых прутьях, словно помело обзавелось реактивным двигателем. Оно развернулось над гигантскими деревьями на окраине парка и с такой скоростью ринулось к последнему просвету в плотных облаках, что у Мэри дух захватило.

И у Тиба тоже: едва помело одним скачком унесло их прочь от земли, его жалобные крики оборвались так резко, словно он захлебнулся.

Вокруг Мэри клубились облака: серые, синие, лиловые, а потом вдруг – золотые, как отблески костра. Но сейчас она почти не обращала внимания на эту красоту. Она крепко держалась за помело, время от времени окликала упорно молчавшего Тиба и высматривала просвет в море облаков, с которого началось бы снижение.

А вот и оно – черное озеро огромного провала в темноту. Помело прошло сквозь пламенеющие буруны облаков на его краю и устремилось вниз, в вечерние сумерки над Редмэнором.

Оно зацепило верхушку липы, и вспорхнувшие следом листья закружились у Мэри над головой, как стая потревоженных летучих мышей. Помело качало и подбрасывало. Один раз оно резко дернулось, и Мэри, которая репьем вцепилась в древко, показалось, что это Тиб спрыгнул с прутьев прямо на липовые ветки. И правда, когда помело приземлилось на газоне в сопровождении свиты из опавших листьев и Мэри смогла оглянуться, никакого поводка из рафии не было. Она провела ладонью по прутьям и не почувствовала теплого взъерошенного меха.

– Тиб! Тиб! Спускайся! – негромко позвала Мэри, слезая с помела.

В последних лучах заката ей еще удалось разглядеть поводок: он зацепился за верхнюю ветку липы. Ошейник был явно пуст. Видно, Тиб от него избавился, но еще не готов был к ней спуститься.

Мэри побежала по садовой дорожке к кухне, поставила маленькое помело на место и благодарно хлопала его на прощанье. Мягко шелестя крылышками, на ограду рядом с сараем взлетела малиновка и запела. По обеим сторонам дорожки росли маргаритки, а у самой двери белели ночные фиалки, излучая свой вечерний аромат. Все такое привычное, настоящее, такое уютное. А на кухне миссис Маклуд как раз готовила ужин:

– А, вот и ты. Ну что, хорошо денек провела?

– Спасибо, просто чудесно, – ответила Мэри. – Бабушки Шарлотты еще нет?

– Ты ее обогнала, – улыбнулась миссис Маклуд, – но совсем чуть-чуть: вот я слышу ее автомобиль. Беги, миленькая.

Никто не задавал ей вопросов, на которые нельзя было бы ответить. «Старый, старый друг» был, наверное, симпатичным; бабушка Шарлотта и мисс Маршбэнкс развлекались за ужином, обсуждая свой визит. Мэри они абсолютно не интересовались, и та в кои-то веки осталась ими довольна.

У себя в комнате, Мэри первым делом подбежала к окну и отдернула занавески. За окном не было ничего, кроме неба и звезд. Облака разошлись, и свежий ветерок раскачивал липовые ветки. Кот не ждал ее на карнизе. Она открыла окно, высунулась наружу и тихонько его позвала. Тиб не ответил.

Озабоченно хмуря брови, Мэри начала медленно раздеваться. А что если мадам Мамблчук ошибается, и Тиб не может стать видимым по своей воле? А что если... Тут она вспомнила о книге и сунула руку в карман, уже готовая к тому, что и книга исчезла. Книга, однако, оказалась там. Кошка и буквы вокруг нее – золотое тиснение на обложке – мерцали при электрическом свете.

Мэри с сомнением повертела книгу в руках. Пожалуй, не сегодня. Этим надо будет заняться завтра, при свете дня. Здесь, у нее в комнате, книга оказалась некоторым образом не на месте; она принадлежала к другому миру, без маргариток, запаха липы и пения малиновки. Но ведь был еще и Тиб...

Мэри положила книгу на туалетный столик и только тогда заметила заложенный между страницами конверт с проспектом Колледжа. Она его вытащила: раз она не собирается возвращаться, даже забавно его почитать и сохранить на память. Сейчас, дома, в безопасности, все это приключение вспоминать было даже приятно: если не считать случая с Тибом, все обошлось благополучно; и надо же – ее приняли за дочь колдуна...

Мэри усмехнулась про себя, представив, как папа становится невидимым. Ей ужасно захотелось поскорей показать ему проспект и маме тоже. Как у всех глаза на лоб полезут, когда выяснится, что есть на свете колледж для ведьм – и всего в одном перелете на помеле от Редмэнора! «Интересно, – подумала Мэри, – а может, тут найдется картинка, а то и карта, где указано, как проехать». Она открыла конверт.

Оттуда выпал листок бумаги.

На листке тем самым решительным почерком было написано: «Получен с благодарностью от мисс

Мэри Смит LXIV из Рэдмэнора, Шропшир, один фамилиар для опытов по трансформации».

И внизу – что-то вроде буквы «М».

Г л а в а 9

– А ПО СВЕТУ СВЕЧИ
ТУДА МОЖНО ДОЙТИ?

– ДА, И ДАЖЕ ВЕРНУТЬСЯ НАЗАД!
ЕСЛИ ШАГ ТВОЙ
ПРОВОРЕН И ЛЕГОК В ПУТИ...

Все решилось само собой. Придется возвращаться, причем этим же вечером. Едва ли Тиба оставят невредимым до утра, если предполагается, что Мэри прилетит на занятия, иначе директриса не говорила бы так таинственно о «пожертвовании». И кота бы забрала как-нибудь по-другому, проще... Да, думала Мэри, торопливо одеваясь, так они и сделали: когда мадам Мамблчук взяла кота, она просто притворилась, что посадила его на метлу; на самом деле она привязала к древку пустую рафию, а мистер Фланагэн поскорее отправил Мэри в полет, пока она не проверила, тут ли Тиб. Все они были заодно, хотя и притворялись симпатичными. И доктор Ди... теперь Мэри не сомневалась в том, что он нарочно оставил Тиба невидимым, чтобы Мадам и мистеру Фланагэну легче было его украсть. Кошки для них ценны, сказал доктор Ди... Но если кошки – магические животные, Тиб мог бы и знать, чем рискует. Зачем же он тогда сам привел ее в Эндорский Колледж?

Мэри, уже полностью одетая, стояла посреди спальни и размышляла. За окном совсем стемнело, ветер, набирая силу, завывал в кронах деревьев. С ле-

стницы доносились голоса: бабушка Шарлотта, как обычно, рано отправлялась спать. Мисс Маршбэнкс поднимется к себе примерно через час. А до тех пор и пытаться нечего незаметно пробраться к выходу. Придется ждать.

Мэри присела на стул поближе к лампе и раскрыла красную книгу под названием «Великие Заклятья». Ей нужны три заклятья, если они тут, конечно, есть. Мэри открыла оглавление и провела по нему пальцем сверху вниз.

Первую главу она уже видела раньше: «Как отпирать замки». Остальные, скорее всего, окажутся сложнее. Но ведь должны же тут быть заклятье от невидимости и заклятье, возвращающее прежний облик?

Ничего подобного.

Палец Мэри замер. Она вспомнила, что заклятье для невидимости снималось, если его произнести задом наперед. Может, и с превращающими заклятьями происходит то же? Мэри перелистала плотные желтые страницы и нашла заголовок: «Как превратить одно животное в другое». Она бегло просмотрела само заклятье, которое оказалось сплошной абракадаброй, и остановилась на примечании внизу. Там было написано: «Заклятье не распространяется на кошек, жаб и других фамилиаров».

Значит, оно не годится. Кошки – дело особое! Но раз Мадам собралась Тибба превращать, для этого существует заклятье, а значит, есть и расколдовывающая формула. Однако вполне могло статься, что в Колледже никому не возвращали прежнего облика, а просто продолжали бесконечный эксперимент, превращая одно несчастное создание в другое.

Думать об этом было совершенно невыносимо. Мэри снова открыла оглавление. Не то, не то... Ага!

Нашла! В самом конце страницы стояла крохотная звездочка, а после нее шли набранные мелким шрифтом слова: «Великое Заклятье».

Мэри заглянула в конец книги.

Тут-то оно и было – напечатанное ярко-алыми буквами. Начало каждой новой строчки отмечала звездочка. А выше, под заголовком «Великое Заклятье», кто-то мелким, неразборчивым почерком нацарапал: «Против колдовства, связанного с трансформацией. Используется только в случае, если колдовство действительно имело место. Если волшебная сила не применялась, того, кто использует заклинье, ждут ужасные несчастья. Остерегайся и произноси меня лишь в самых плачевных обстоятельствах».

Остальное Мэри прочесть не успела: ступеньки на лестнице заскрипели. Она выключила свет и притаилась в темноте. Дверь в комнату мисс Маршбэнкс открылась – и тихо закрылась. Через несколько минут напольные часы в холле пробили одиннадцать. Звук, наполнявшие дом, один за другим смолкли, и он погрузился в тишину.

Мэри наконец рискнула включить свет. Надела туфли на мягкой подошве и свое неброское пальтишко. В один карман опустила фонарик, в другой – книгу заклятий. Оторвала головку перелет-травы и осторожно зажала в кулаке.

Она открыла дверь спальни: ни звука, если не считать ровного тиканья напольных часов да гулких ударов ее собственного сердца. Света под дверями у бабушки Шарлотты и мисс Маршбэнкс не было. Мэри включила фонарик и стала крадучись пробираться по коридору к лестнице, а потом – медленно-медленно – вниз, стараясь не наступить на третью снизу ступеньку, которая вечно коварно скрипела.

Едва она оказалась в холле, часы прокашлялись и пробили половину двенадцатого.

Мэри подскочила от неожиданности. Ровное, негромкое тиканье возобновилось.

Пыль собирая в усах,
Мышь проживала в часах...

Она вспомнила другие часы, в лаборатории Эндорского Колледжа, со свинцовыми гирьками в виде отвратительных дохлых мышей, и тот противный стишок, который они выстукивали. Мэри посветила на часы фонариком. Медный циферблат подмигнул ей. В верхних его углах были выгравированы херуимы, а между ними – веселое солнце с волнистыми лучами, щека к щеке с застенчивой луной. Гири прятались в футляре, но Мэри знала, как они выглядят: увесистые, тугие, аккуратные еловые шишки.

Старые, без претензий домашние часы... Мэри уже готова была отправиться прямехонько наверх, в спальню, и постараться забыть о тех, других часах, но взгляд ее уловил какое-то движение у основания футляра. Мышь – настоящая маленькая, гладкая мышка с блестящими глазками шмыгнула прочь, подальше от света фонарика и исчезла за стенной панелью.

– Погоди, вот увидит тебя Тиб, – прошептала Мэри, и тут ей в голову пришла мысль, которой она сама удивилась. «Ведь это, – подумала она, – вполне честно, это дело Тиба и мыши. Просто так все устроено в мире. Но колдовство... колдовство – не честно. Нечестно так поступать ни с Тибом, ни с мышами, ни с любым из тех несчастных в клетках, кем бы они ни были. Надо лететь. И это будет правильно – воспользоваться книгой заклятий, чтобы отпереть входную дверь. Использую заклятье по назначению, даже если это займет много времени».

Времени потребовалось немного. Не прошло и минуты, как отодвинулся последний засов, ключ повернулся в замке и выпустил Мэри в ночь.

Все оказалось до того просто, словно так происходило каждый день. Маленькое помело стояло там, где Мэри его поставила, и, судя по всему, спало. Когда Мэри его взяла, оно дернулось и взбрыкнуло спросонок, чуть не вырвавшись из рук. Но Мэри теперь знала, что делать. Она сжала в кулаке перелет-траву, провела рукой сверху вниз по древку и приказала:

– Стой смирно!

Маленькое помело застыло навывтяжку.

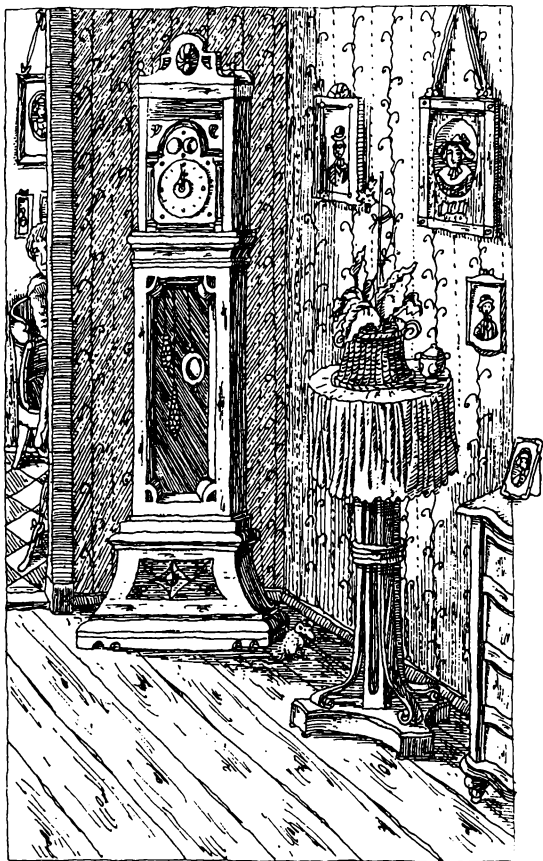
– Так-то лучше! – сурово заметила Мэри. Она засунула поглубже в карманы фонарик и книгу, села верхом на помело, погладила его (на этот раз понежнее) раздавленным цветком и скомандовала:

– Эндорский Колледж. Парадный вход. Аккуратнее, пожалуйста!

Помело стартовало, чуть вскинув прутьями, и взяло курс прямо на ближайшее созвездие.

На этот раз все было непонятно: низко ли, высоко ли они летят, далеко ли успели умчаться от дома – только звезды мелькали. Мэри казалось, что она проносится сквозь гигантский фейерверк, в котором вспыхивают звездные вихри, а за метлой тянется шипящий след из пузырьков света. Потом космический поток остался в стороне, звезды уменьшились до размера ярких пылинок; деревья выплыли из сумерек, заслонили звезды, и помело приземлилось.

Как и было велено. У самого основания парадной лестницы.

Мэри спешила. Помело вело себя вполне сносно, поэтому, прежде чем нырнуть в тень от стены дома, Мэри дружески его похлопала и шепнула:

— Жди меня и будь умницей. Я ненадолго.

Она минутку постояла рядом с помелом, вглядываясь и вслушиваясь. Света в окнах не было. Сигнальный флюгер помалкивал. Впрочем, ветер так шумел в верхушках деревьев, что заглушал все остальные звуки. Он все усиливался, явно предвещая бурю. Забравшись поглубже в тень, Мэри достала книгу и фонарик и осторожно посветила на страницу.

«Как отпирать замки»...

Это был простенький с виду стишок, но рассчитанный только на заколдованные замки.

Так оно, впрочем, и оказалось, и заклятье подействовало. Дверь мягко, вежливо отворилась, и Мэри крадучись вошла в холл.

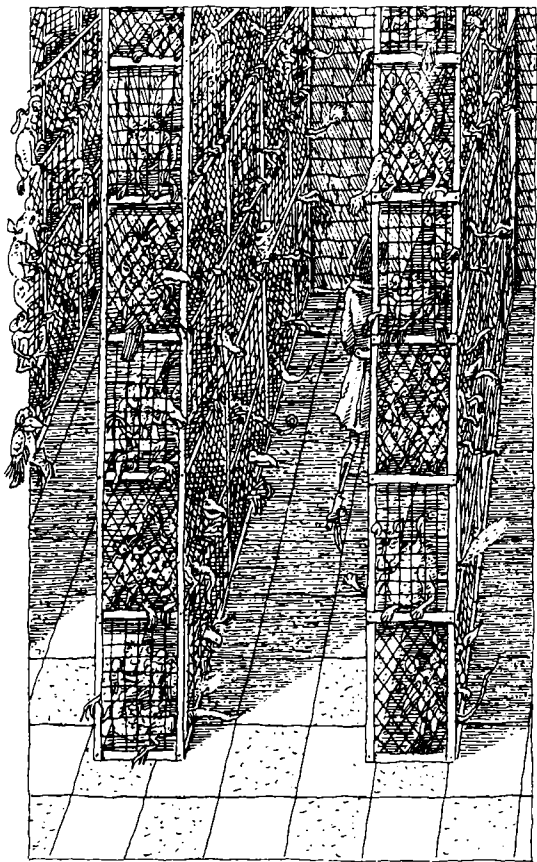
Ни света, ни звука. Осторожно подсвечивая путь фонариком, Мэри на цыпочках побежала по длинному коридору к лаборатории.

Дверь была прикрыта, но не заперта, и Мэри снова очутилась в этой жутковатой комнате. В печи за прозрачной дверцей все еще гудело зеленое пламя, наполняя лабораторию каким-то неестественным светом, игравшим на рядах флаконов и колб. Часы тикали все так же неровно, выстукивая свой стишок:

Пыль собирая в усах,
Мышь проживала в часах...

Мэри не стала прислушиваться. Она тихонько закрыла за собой дверь и пробралась за стол, к сейфу.

Книга так и осталась открытой на противозамочном заклятье. Мэри положила руку, липкую от сока перелет-травы, на бронзового морского конька, служившего ручкой, и прошептала волшебные слова.

Гигантская дверь мягко растворилась, уступая ей дорогу.

Внутри все еще горела желтым светом лампа. Дальше, в сумерках, поблескивали прутья клеток, а за прутьями – глаза, широко раскрытые, немигающие.

– Тиб! – прошептала Мэри. – Тиб! Ты здесь?

Никто не отозвался. Она услышала только шорох и невнятное бормотанье: все эти несчастные, причудливые создания столпились у дверей своих клеток. Те, у кого были глаза, не сводили с Мэри умоляющего взгляда. Лапки скребли прутья.

– Тиб! – Он, конечно, подал бы знак, если бы был здесь.

Мэри побежала по рядам, всматриваясь в полутемные клетки, и отчаянным шепотом звала:

– Тиб! Тиб! Тиб!

Белка быстро выставила лапу и ухватила ее за рукав. Мэри остановилась:

– Тиб, это ты?

Из соседней клетки к ней тянулся еж, а из клетки выше высунулась кривая клешня и погладила ее по голове...

Об этом Мэри не подумала. Она отступила от стены клеток, взяла фонарик и направила его луч по тесным рядам.

– Тиб! Тиб! Если ты здесь, отзовись! Попробуй, Тиб! Мяукни! Голос ведь у тебя остался?

Но ее поняли все, и из каждой клетки слышались тихие, безумные звуки: это кролики, крысы, белки, ежи, ящерицы попытались мяукнуть, каждый в меру своих возможностей.

– Пожалуйста, пожалуйста!.. – Мэри зажала уши и чуть не кричала. – Ну как вы не понимаете! Я не мо-

гу отпереть все замки, на это уйдет столько времени! А если б я и смогла – как вы убежите? Вы же такие маленькие, и ни у кого нет нормальных ног или крыльев! Пожалуйста, ну, пожалуйста, тише, дайте мне найти Тиба!

Никто ее не слушал. Глаза смотрели на нее с мольбой, лапы неистово тянулись сквозь прутья, все квакали, мяукали, кричали, курлыкали...

А потом – вдруг – воцарилась тишина.

Только тогда Мэри услышала то, что успели уловить зверьки. В коридоре раздавались чьи-то шаги, и шаги эти приближались к лаборатории.

Глава 10

ВЕЛИКОЕ ЗАКЛЯТЬЕ

По коридору шли двое, и одной из этих двоих была мадам Мамблчук. Она что-то говорила, а мужской голос ей отвечал.

Мэри подбежала к двери и прислушалась. Может, они пройдут мимо?

Но голоса приблизились к лаборатории.

– Исключительно удачный эксперимент, доктор Ди, – говорила Мадам. – Ради этого стоило задержаться так поздно. Полагаю, мы можем друг друга поздравить.

Ручка двери повернулась.

Мэри юркнула в сейф и потянула за собой тяжелую дверь. Та со слабым шипением закрылась, отделив ее от голосов. Звери затаились, тихо и часто дыша и чуть слышно перебирая лапками по полу клеток. В эту минуту даже удары собственного сердца Мэри готова была принять за чужие шаги.

Речь шла об эксперименте. Может, им просто что-то понадобилось в лаборатории? Может, они сюда не войдут?

В двери сейфа с мягким щелчком повернулся замок.

Когда Мадам и доктор Ди вошли, Мэри уже была в самом дальнем конце комнаты, в темноте, за клетками.

— Сюда, — говорила мадам Мамблчук. — И на сегодня хватит, я думаю. Можно продолжить завтра.

— Конечно, — отозвался доктор Ди. — Для меня это был вызов, настоящий вызов. Чрезвычайно сложный объект, несмотря на то, что серый, вы согласны?

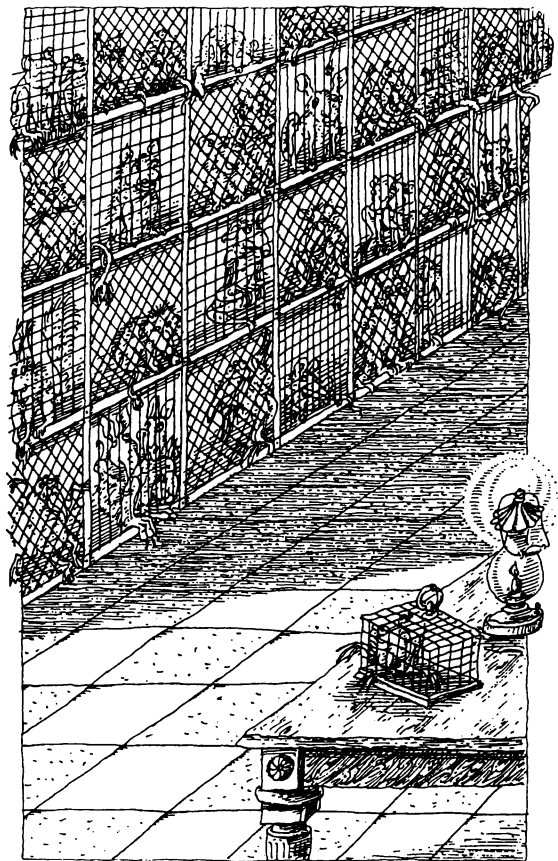
— Да, да. Но как удачно, что есть возможность проверить результаты на этом экземпляре, и так скоро. — Послышался стук, словно что-то твердое положили на стол. — Вот. Какая перемена, а? Теперь его, пожалуй, так просто не узнаешь, даже если она устроит расследование.

— В темноте все кошки серы, так говорят? — засмеялся доктор Ди. — А, вот он приходит в себя. Порядок. Признаться, дорогая Мадам, был момент, когда я подумал, что приготовил слишком сильную смесь. Но осмелюсь предположить, что мы стоим на пороге открытия новой формулы, которой предстоит стать классической. На меньшее я не соглашусь. Как бы то ни было, я предлагаю оставить это создание на ночь тут, в клетке, до... ах, ты, паршивец!

Послышалось шипение, но не кошачье, а скорее змеиное. Мадам Мамблчук расхохоталась, а доктор Ди самодовольно сказал:

— Он у меня еще узнает! А теперь, дорогая Мадам, поеду-ка я, пожалуй.

— Сначала ко мне в кабинет, — отозвалась Мадам. —

Один глоток на дорожку. Судя по ветру, ночь сегодня безумная. Помело у вас надежное?

– Абсолютно, – сказал доктор Ди. – Прямым ходом в стойло, и ни на шаг в сторону. Оно знает только одну дорогу. Прошу, дорогая Мадам.

Они уходили. Мэри затаила дыхание. Ей показалось, что и зверюшки в клетках сделали то же самое. Супердверь на воздушной подушке со свистом захлопнулась. Настала тишина. Мэри на цыпочках подкралась к лампе – посмотреть, что принесла Мадам.

В маленькой-маленькой клетке с простыми металлическими прутьями, в клетке чуть просторней мышеловки сидела лягушка. Горбатая, пучеглазая и в бородавках. Задние ее лапы были чересчур большими, а передние – несоразмерно маленькими: просто две закорючки, прикрепленные к груди. Увидев Мэри, она стала подтягивать и подволакивать свои задние лапы к прутьям и попыталась дотянуться до нее крохотными, бесполезными передними лапками.

«Эксперимент, – они сказали. – Сложный объект. Он еще узнает», – сказали они и засмеялись...

Мэри просунула сквозь прутья палец, и его обхватили крохотные лапки.

– Тиб! – прошептала она. – Миленький мой Тиб. Это ты, я знаю. Ты еще будешь красивым. И, кажется, я начинаю понимать: «серый», о котором они говорили, это твой брат Джиб, да? Он тоже должен быть где-то здесь. Ты мне потом покажешь, где он, и мы возьмем его с собой. А теперь – тихо, и отпусти мой палец. Мне надо найти Великое Заклятье.

Казалось, что красные строки с предупреждающими звездочками дрожат при свете лампы. «... Того, кто использует заклинье, ждут ужасные несчастья.

Остерегайся и произноси меня лишь в самых плачевных обстоятельствах».

Ну, что касается обстоятельств, они и так были более чем плохи и для Тиба, и для его брата, и для бесчисленных зверьков в клетках, которым она тоже отчаянно хотела помочь.

Мэри сделала глубокий вдох. Тяжелая дверь не пропускала звуков. Шептать было ни к чему. И она стала читать вслух, своим обычным голосом, громко и четко...

Все заклятье состояло из шести строчек, однако привести их здесь невозможно, потому что впоследствии Мэри так и не смогла вспомнить ни слова. Но это был простой и веселый стишок, а заканчивался он словами (только это не точно) вроде «стремительный дней хоровод».

— «... дней хоровод!» — с нажимом произнесла Мэри.

И Великое Заклятье подействовало.

Все произошло сразу.

Если рассыпать по земле миллион миллиардов орехов и по этому ореховому ковру пустить прогуляться несколько стад слонов, то можно тогда отчасти представить то, что услышала Мэри, когда открылись все замки всех клеток. Дверца шкафа соскочила с петель, покатилась по полу стеклянная лягушка, а книги и бумаги на полках превратились в пепел и головешки. Дверь сейфа сама по себе распахнулась во всю ширь, да так и застыла нараспашку. А из каждой клетки выползли, выскочили, вылетели, вывалились звери и столпились у ног Мэри. Тусклая лампа неожиданно стала больше, вспыхнула и замигала; в стоячем воздухе сейфа откуда ни возьмись возник вихрь и со свистом пронесся сквозь пустые клетки. Тут же

на смену беспомощному поскребыванию коготков, тяжелому дыханию несчастных, чахлых созданий забили сильные крылья, застучали, пританцовывая, копыта. Хромой ежик на глазах у Мэри вырос, вытянулся и стал молодым оленем, пятнистым оленем с огромными глазами, гибким, как ивовый прут. У чуть живой ящерицы оказался вдруг алый клюв, и она взмыла под потолок, рассекая воздух лебедиными крыльями. Стеклянная лягушка, покотившись к ногам Мэри, обернулась дымчато-серым красавцем котом.

А из железной клетушки выскочил, сверкая глазами, Тиб и одним махом взлетел Мэри на левое плечо. Серый же кот вскарабкался на правое плечо и всеми когтями вцепился в воротник ее пальто.

Оглушенная, ошеломленная Мэри несколько секунд не могла пошевелиться, растерявшись от молниеносного действия волшебной силы, от оглушительного шума, в один миг разбудившего ночную тишь.

Потом, опомнившись, она закричала:

– Бегите! Бегите все! Сюда! – И бросилась из сейфа в лабораторию.

И тут царил хаос. Колбы и реторты полопались с пламенем и треском. Их содержимое красного, зеленого, пурпурного цвета растеклось по полу, и из-под оленьих копыт разлетались фонтаны разноцветных брызг. Гирьки с часов упали на пол и превратились в мышей, которые кинулись стремглав к ближайшей щелочке, а за ними – мыши с кресла, потому что клетка разлетелась вдребезги. Часовые пружины, освободившись от груза, перекрутились в одну огромную спираль, стрелки со скрежетом обернулись во круг циферблата.

– Тик, – сказали часы и встали.

Печь взорвалась.

Дверь лаборатории распахнулась. Мэри с книгой и котами выбежала в коридор, где воздух звенел от птичьего пения, и кинулась к парадной двери.

Она тоже была распахнута.

Но была открыта и дверь в кабинет Мадам. В дверном проеме, плечом к плечу, в ярости застыли мадам Мамблчук и доктор Ди.

Опомнившись, они начали действовать сообща. Доктор Ди взмахнул волшебной палочкой.

– Стойте! – взвизгнул он. – Повелеваю вам остановиться!

А мадам Мамблчук побежала к парадной двери.

Но никто даже не замедлил бег. Тиб дьявольски завывал на левом плече у Мэри, а с правого плеча вторил ему серый кот. Шум стоял ужасный. И то ли голос колдуна просто потонул в нем, то ли продолжало действовать Великое Заклятье, только мадам Мамблчук и доктор Ди оказались бессильны. Парадная дверь с такой силой распахнулась навстречу ведьминым рукам, что отбросила ее к стене, а стадо оленей, в самой гуще которого бежала Мэри, сбило с ног доктора Ди. Потом звериная толпа, унося с собой Мэри, выплеснулась из дверей на широкую лестницу, на вольный воздух. Олени устремились вперед, в тень деревьев, к ограде, и Мэри показалось, будто волна, гонимая ветром, перехлестнула через стену. Птицы с радостными криками взмыли к звездам, а Мэри, спотыкаясь, соскочила с последней ступеньки и бросилась в темный угол к своему помелу.

Видно, помело собиралось ей навстречу: оно приклонилось к каменному грифону у подножия лестницы, и Мэри чуть об него не споткнулась.

Мэри вскочила на него верхом, похлопала его липкой от сока перелет-травы ладошкой и крикнула:
– Домой! Прямоком домой!

Оба кота мертвой хваткой вцепились в ее пальто.

Уже взмыв над деревьями, набирая высоту, Мэри увидела, как перемахнули через стену парка последние олени и рассыпались по темному лесу. Повсюду в кронах деревьев пели птицы, словно стоял полдень. А потом не осталось ни леса, ни птичьего пения, ни аромата листьев, ничего, кроме летящих звезд и восторженного воя котов.

Этот полет почему-то показался Мэри короче предыдущих. Помело замедлило ход, спикировало вниз, пройдя сквозь пронизанное ветром клубящееся облако, и мягко приземлилось на траву.

Мэри неловко слезла. Коты соскочили с ее плеч, но, что удивительно, не отошли от нее ни на шаг. Даже при неровном свете звезд, мимо которых ветер тянул бесконечную завесу облаков, было видно, что спины их выгнуты и хвосты – настороже. Коты смотрели на дом.

Мэри, еще ничего не понимая, взглянула в ту сторону. И тут же почувствовала, что, имея она собственный хвост, он тоже встал бы торчком, распушившись, как посудный ершик.

Дом был не тот.

Она подняла помело: да, и помело было не то. Ее, маленькое, осталось там, где она его спрятала. А кроме нее этой ночью в Эндорский Колледж прилетал только один гость... «Прямым ходом в стойло, и ни на шаг в сторону», – так, кажется, говорил доктор Ди. Вот оно ее и привезло...

Коты фыркнули, метнулись прочь и пропали среди теней.

Потом кто-то выскочил из кустов у нее за спиной и заорал угрожающе:

– Так это ты была, ведьма проклятая! Теперь ты от меня не уйдешь!

Г л а в а 11

КУДА ОНА ШЛА, Я СПРОСИТЬ НЕ ПОСМЕЛА, ВЕДЬ БЫЛО В РУКАХ У НЕЕ ПОМЕЛО...

Оказалось, что это мальчишка одних примерно лет с Мэри, а может, и чуть постарше, – во всяком случае, выше и крепче. Он свирепо хмурился и размахивал толстой, зловещей с виду палкой. Потом вдруг притормозил, пригляделся и не очень уверенно сказал:

– Вроде я тебя знаю... Мы где-то встречались, только не помню... Ты кто такая?

Мэри отступила подальше от угрожающей дубинки:

– Я с тобой вообще не встречалась. Меня зовут Мэри Смит. Я из Редмэнора. А ты что – ученик доктора Ди?

– Чей? Нет, конечно! – Мальчишка возмутился, но дубинку свою опустил. – Я – Питер, сын священника. Я тоже живу в Редмэноре, но я... – И тут у него перехватило дыхание. – Ну да, я же тебя видел на фотографии – там, в поместье! Я потому и подумал, что мы встречались. Папа говорил, что ты живешь у бабушки.

– А мне сказали, что ты уехал на каникулы, – ответила Мэри.

– Мы сегодня приехали... Слушай-ка, что все это значит? Ты что тут делаешь? И почему я должен быть чьим-то учеником? Кто этот доктор Ди?

– А ты что, не знаешь? Это его дом, судя по всему.

Питер все еще хмурился, но снова напустить на себя свирепый вид ему уже не удавалось, и Мэри почувствовала себя увереннее:

– А сам-то ты что тут делаешь?

– Ищу своего кота.

– Так это твой! – воскликнула Мэри. – Тот, серый? Это ведь Джиб?

Питер кивнул:

– Когда мы приехали, мистер Спенсер сказал, что Джиб неделю тому назад пропал и с тех пор его не видели. Мы всюду искали, весь день. Мама с папой подумали, что он где-нибудь заблудился, но я-то знаю, что этого быть не может. А потом я в теплице под цветочным горшком нашел записку. Там было написано...

– Я знаю, что там было написано, – перебила Мэри. – Это была расписка за «одного фамилиара для опытов по трансформации».

Мальчишка крепче стиснул свою дубинку:

– Так все-таки ты ведьма? Я... Я думал, их на самом деле нет, но когда я увидел тебя... Это ведь ты перелетела через стену, вон и доказательство есть – помело! И этот твой доктор Ди – тоже небось колдун, если ты подумала, что я его ученик! – Он шагнул вперед и замахнулся дубинкой. – Ну, если ты мне не отдашь моего кота...

Мэри попятилась:

– Ты что! Я не ведьма, честно! Я в эту историю попала так же, как и ты. Просто мой кот тоже исчез, и уж если на то пошло, я разыскала их обоих и снова превратила в котов. Я нашла книгу заклинаний и...

– И решила, что я этому поверю? – осведомился Питер. – Ну, и где они тогда?

– Вот, – с облегчением ответила Мэри, ибо в этот момент оба кота не спеша выступили из тени на траву. Шерстка их снова разгладилась и заблестела.

– Джиб! – сказал Питер.

Дубинка с глухим стуком упала на землю, а Питер подхватил кота на руки и прижал к себе.

– Где ты его нашла?

– Послушай, – серьезно сказала Мэри, – сейчас нет времени все рассказывать. Придется тебе просто мне поверить. И вообще, надо отсюда удирать – сейчас, сию минуту. В этом замешаны двое: доктор Ди и одна ведьма, которая живет тут недалеко, и они могут начать за мной погоню. Они опасны, сам понимаешь. – Мэри нагнулась и взяла Тиба на руки. – Так что давай быстрее, ладно? Я все расскажу по дороге.

Но мальчишка не двинулся с места.

– В том-то и дело, что отсюда не выберешься. Стены гладкие, как стекло, деревьев тут нет, а ворота заперты.

Мэри огляделась. Дом доктора Ди стоял на квадратной лужайке, обнесенной высоченной стеной. Не росло на этой лужайке ни единого деревца, не вились по стене ни плющ, ни виноград, а на калитке висел замок, такой огромный, что даже при свете звезд трудно было его заметить.

– А... как ты сюда попал?

– Вошел, – с горечью ответил Питер. – Мне показалось, что за стеной мяукает Джиб, ну, я, конечно, и вошел. И калитка за мной захлопнулась, да так мягко, как ватная. Я тут уже несколько часов. Мама с папой с ума сойдут. Наверное, полицию подняли на ноги. Полночь, небось...

– Я думаю, больше, – сказала Мэри, которой эта ночь, по вполне понятной причине, казалась нескон-

чаемой. — Что ж, значит, как я сюда прилетела, так и улетать придется. Держи Джиба крепче.

— Так, значит, это правда. Значит, волшебство есть.

— Калитка за тобой закрылась по волшебству, — ответила Мэри, — в этом можешь быть уверен. Но немного волшебной силы есть и у меня, я же говорила. Тут с этим помелом одна сложность: оно не мое, а доктора Ди. Не знаю, сумею ли я сделать так, чтобы оно довезло нас до дому, но пусть, по крайней мере, перевезет через стену. — Она нащупала в кармане остатки перелет-травы и выжала в ладонь последние капли сока.

— Быстрее, держись давай. А то эти метлы иногда брыкаются.

Но помело не стало брыкаться. Когда Мэри потеряла его измазанной соком ладошкой и уверенно командовала: «Перелетай через стену, а потом лети в Редмэнор. Редмэнор в Шропшире, слышишь?», помело честно попыталось выполнить приказ. Но как оно ни старалось, с двойным весом не смогло подняться даже до верхнего края стены. Просто зависло на высоте около двух метров, а потом принялось носиться кругами над лужайкой, пока у ребят не закружилась голова и Мэри не взмолилась:

— Спускайся, а? Спускайся!

Помело, вильнув, опустилось на землю, и ребята слезли. Котов теперь можно было не держать: Тиб и Джиб неплохо уяснили ситуацию и помалкивали, вцепившись каждый в своего хозяина.

— Господи, что же делать? — в отчаянии воскликнул Питер и вдруг поднял голову. — Слышишь? Что это?

К шороху листьев прибавился новый шум: словно кто-то над макушками деревьев со свистом рассекал

воздух прутом. Холодок пробежал у Мэри по позвоночнику: она узнала этот звук.

– Помело. Доктор Ди летит. Быстро, надо спрятаться!

– Он найдет нас в два счета. Тут только эти кусты, больше ничего, а дом заперт. Я проверял. Хотел посмотреть, нет ли там телефона... тоже мне, нашла когда хихикать. Одно слово – девчонки!.. – Питер схватил Мэри за руку. – Прячемся в кусты! Это единственный шанс!

Но Мэри побежала к дому.

– Нет. Я же говорю, у меня есть волшебная сила. Я могу отпирать замки. – И она вытащила из кармана книгу и фонарик.

Питер, к счастью, схватывал все на лету, хотя не так-то много у него было времени, чтобы поверить в волшебство.

– Откроешь? Правильно: он тогда решит, что мы каким-то образом пробрались в дом, а мы, пока он будет все там обыскивать, выскочим за калитку.

– Может, нам и не придется отпирать калитку. – Фонарик у Мэри в руке отыскал нужную страницу и замер над заклатьем. – Он же прилетит на помеле. Теперь у тебя будет свое, у меня – свое. Сейчас... – Она пробормотала заклатье, обращаясь к двери, и та немедленно распахнулась.

За спиной у Мэри сдавленно ахнули, и, обернувшись, она обнаружила, что Питера с серым котом нет. Тогда она, подхватив на ходу помело, побежала по лужайке и вместе с Тибом вломилась в кусты, где уже успел затаиться Питер.

Она едва не опоздала: над самыми кустами пронесся резкий не то свист, не то хруст – как будто разорвали лист бумаги, и помело со скрюченным серым

всадником перемахнуло через стену и с глухим ударом приземлилось на газон.

При виде открытой двери доктор Ди испустил пронзительный, яростный вопль. Серый кот негромко зашипел. Доктор Ди спрыгнул с помела, злобно отшвырнул его в сторону и кинулся в дом, размахивая над головой белой волшебной палочкой.

– Попалась, ведьма, из молодых да ранних! – донеслись из дома его крики. – Хочешь и мою лабораторию уничтожить? Посмотрим! Гормбридж там или не Гормбридж, профессор – не профессор, посмотрим!

Доктор обыскивал дом: ребята видели, как то в одном окне, то в другом вспыхивал зеленый огонек от его палочки. Потом он пропал.

Питер прошептал:

– Он сейчас в дальних комнатах. Пошли.

Ребята выбежали на лужайку. Мэри подобрала помело, на котором прибыл доктор Ди, и почувствовала, что оно дрожит от страха – а может, от гнева?

– Это мое собственное маленькое помело, и оно знает дорогу домой! Значит, так: ты возьмешь помело доктора Ди. Только бы оно полетело за моим...

Но как бы не так! Едва Питер до него дотронулся, как помело доктора Ди взбрыкнуло, увернулось и следом за хозяином нырнуло в темный дверной проем.

– Прямо к нему полетело! – в отчаянии воскликнул Питер. – Теперь он точно узнает, что ты здесь! Скорее, Мэри, садись на свое помело и улетай. Со мной все будет в порядке: он и не подозревает, что я здесь. А утром...

Но Мэри уже бежала к калитке:

– Или мы вместе улетаем, или вместе остаемся. У нас тоже есть волшебная сила, как-нибудь справимся. Сегодня я – ведьма; он сам сказал.

Да, похоже, так оно и было: в спешке Мэри выпустила маленькое помело, но то легким галопом поскакало рядом с ней. Для заклатья не понадобились ни фонарик, ни даже книга. Мэри только нашарила в кармане последние клочки перелет-травы, с силой прижала их к навесному замку и выпалила нужные слова.

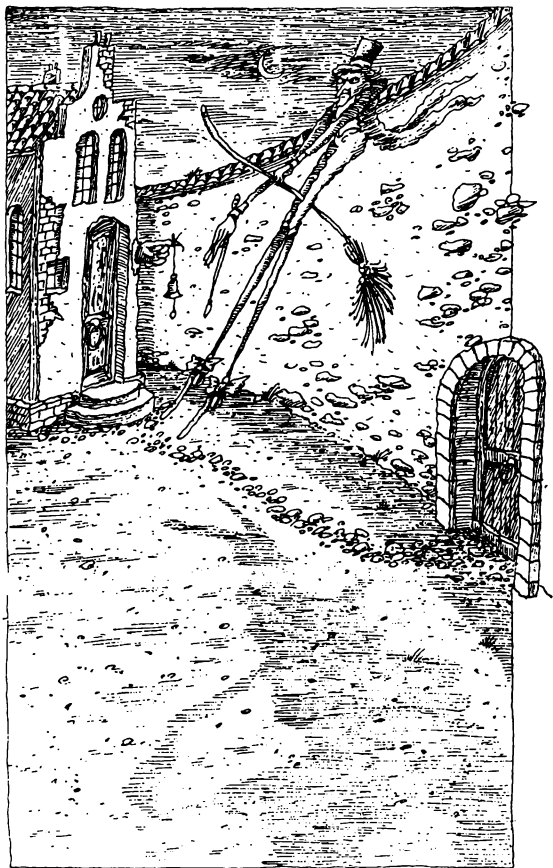
Полыхнув зеленым огнем, замок щелкнул и упал на землю. Калитка распахнулась, яростно взвизгнули петли. Из дома эхом откликнулся голос доктора Ди. А в следующую минуту беглецы уже были на узенькой, извилистой улочке, освещенной одними звездами.

– Садись! – крикнула Мэри, и Питер мгновенно очутился позади нее на помеле. Серый кот распластался у него на плече и шипел, как закипающий чайник. Тиб хранил молчание, но хвост его, как бы независимо от хозяина, время от времени резко взмывал то в одну сторону, то в другую.

– Все держитесь! А теперь, миленькое мое помело, отвези нас, пожалуйста, домой, в Редмэнор! – И Мэри провела по древку метлы вымазанной соком ладонью.

Чувствовалось, что помелу очень тяжело, но оно благородно старалось помочь: несмотря на двойной вес, все-таки оторвалось от земли и поднялось в воздух сначала на метр, потом повыше, потом еще чуть-чуть...

Метрах на двух с половиной оно выровнялось и помчалось вперед. Крона живой изгороди по обеим сторонам улочки приходилась как раз на уровне их коленей. Из темноты то и дело выныривали ветви деревьев, норовя хлестнуть ребят по лицам. Пригнув головы как можно ниже, Мэри и Питер крепко держались за помело.

Похоже было, что на большую высоту им не подняться, а внизу ощущение скорости оказалось намного сильнее, чем от полета по необъятному воздушно-му океану или пенистым морям облаков. Скоро у ребят перехватило дыхание. Более того, Мэри услышала, как Тиб тихонько ругается, покачиваясь у нее на плече. Дорога все время петляла, и помело как-то проседало на поворотах, давая крен то вправо, то влево. Это пугало, утомляло и вообще было невероятно неудобно. Но дорога вела к дому, и они имели все шансы туда попасть, если, конечно, не встретятся преграды выше трех метров.

А потом их стало нагонять другое помело. Оно шло гораздо выше, и сидевший на нем доктор Ди все так же злобно вопил. Мэри, помимо своей воли, ждала того особого торжествующего вопля, который означал бы, что доктор Ди их заметил. Но вместо этого новый долгий, какой-то рваный звук возвестил о приближении еще одного помела. Вопли доктора Ди приобрели характер приветствия, и голос мадам Мамблчук, высокий, взвинченный, крикнул в ответ:

– Вы ее поймали?

Извернувшись кое-как, Мэри увидела их обоих – там, высоко-высоко, летящие тени на фоне овеваемых ветром звезд. Волшебная палочка искрила, освещая Мадам и доктора Ди. Оба летели на большой скорости, низко пригнувшись, и всматривались, вглядывались, впивались глазами в темноту.

Мэри подумала, что теперь их в любую минуту могут заметить. И тут же, словно прочитав ее мысли, маленькое помело снизилось, и они оказались в тени живой изгороди.

Тут было очень темно, и помело, к счастью, сбавило скорость. Ветви больше не хлестали, но внезапные

повороты улочки, на которой помело ориентировалось не хуже летучей мыши, все время заставляли ребяť врасплох. Их кидало из стороны в сторону, и приходилось держаться изо всех сил.

Два других помела там, наверху, тем временем почти поравнялись с ними.

– Имей в виду, – прошептал Питер, – они обо мне не знают, они думают, что это только ты с котами. Решили, что ты где-то далеко, несешься во всю прыть. Если мы притормозим тут и подождем, они нас обгонят и окажутся впереди. А мы тогда сможем улететь домой другой дорогой.

И только Мэри открыла рот, чтобы ему ответить, как улочка неожиданно кончилась, и маленькое помело на полном ходу вынесло их из спасительной темноты на открытое пространство. На траве при свете звезд резко обозначилась их тень.

Г л а в а 12

ПОБЕГ

Слишком поздно возвращаться. И бесполезно прятаться в тени одного из дубов, громоздящихся на лужайке прямо по курсу. Их заметили. Сверху послышались злобные и одновременно довольные вопли.

– Вот она! – визжала мадам Мамблчук.

А доктор Ди в унисон с ней кричал:

– Их двое! У нее все время был сообщник! Смотрите, их двое на одном помеле!

– А это значит, что выше подняться они не могут! – прокричала в ответ Мадам. – Попались, голубчики! Ну, дорогой доктор, вы с левого борта, я – с правого! В атаку!

Два помела в вышине разлетелись в разные стороны, развернулись, наклонили древки и на страшной скорости вошли в пике. Они неслись, с хищным свистом рассекая воздух, — ни дать ни взять два ястреба, камнем падающие на жертву.

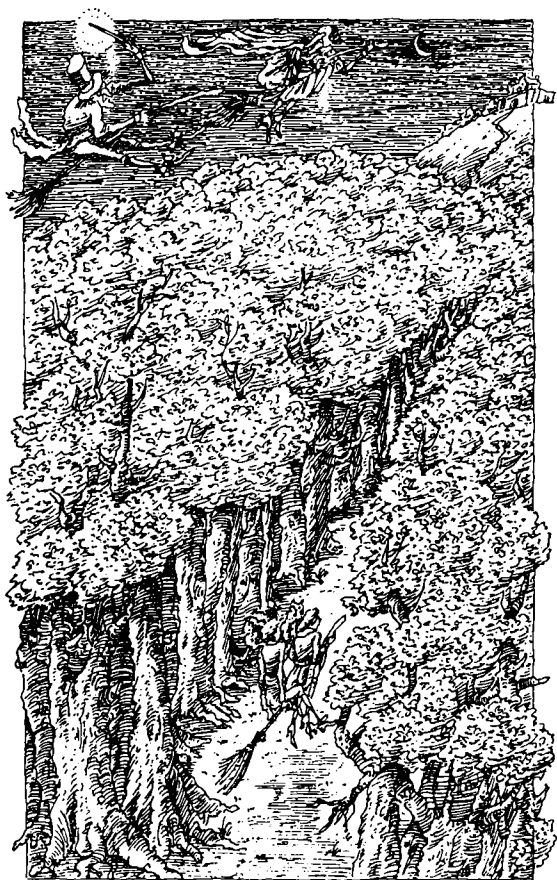
Мэри почувствовала, что маленькое помело как-то вдруг собралось, поднатужилось, и подумала безнадежно, что оно из последних сил старается прибавить скорость. Но нет. Помело снизилось еще на полметра, и ребята теперь носками ботинок сбивали росу с травы и цветов. Качались, мягко постукивая друг о друга, колокольчики. Пижма оставляла влажные следы на ногах. Из-под подошвы у Мэри, как разбуженные привидения, разлетелись пушистые семена чертополоха.

Мэри стиснула древко:

— Пожалуйста... ну, пожалуйста! Ой, Питер, оно же сейчас приземлится, и они тогда...

— Нет, — уверенно прошептал в ответ Питер. — Оставь его в покое. Оно знает, что делает. Ты что, не видишь? Они не могут на нас напасть, когда мы летим низко. Если они спикируют сюда с такой высоты, то разобьются вдребезги сами и метлы поломают. Пока мы по-настоящему не приземлимся, они нам ничего не сделают...

Его слова заглушили завывания доктора Ди. Маленькое помело летело прямо и ровно, но едва колдун оказался рядом, метнулось влево, дав такой сильный крен, что правые ступни ребят ударились о землю. Доктор Ди пролетел над ними на огромной скорости, и какой-то миг казалось, что он вот-вот врежется в землю. Но в последнюю секунду он вышел из пике, и помело понесло его прочь, снова набирая высоту.

– Ноги подтяни, – выдохнул Питер. – И пригнись как можно ниже.

Не успел он договорить, как на них обрушилась новая атака. То ли Мадам была храбрее доктора, то ли помело ее хуже слушалось, только снижалась она на такой кошмарной скорости, что ее торжествующий вопль ветром относил в сторону.

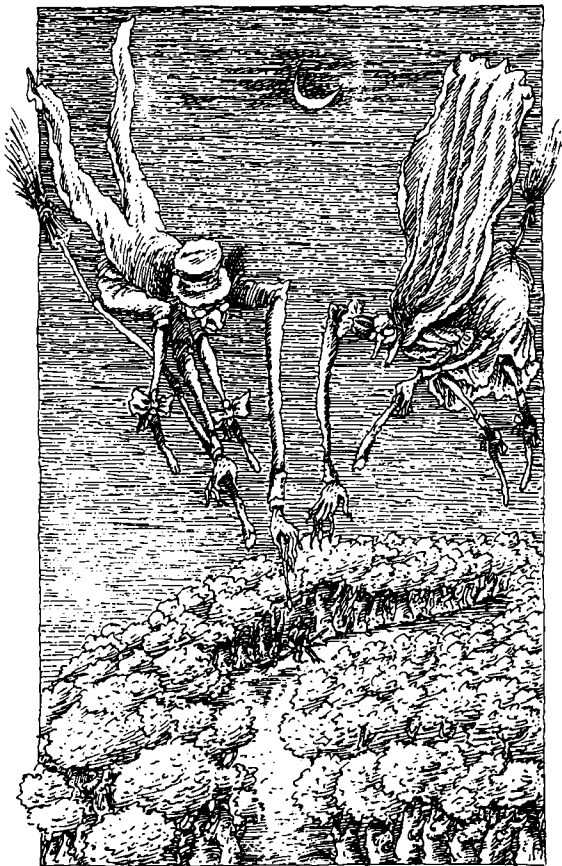
– Фамилиары! Фамилиары с ними! Они все в наших руках! Приземляйтесь, дурни, не то хуже будет!

Вот она уже рядом, вот уже протянулась ее рука, чтобы схватить Мэри за волосы... На одно ужасное мгновение маленькое помело замерло, «село» на свои прутья – а потом развернулось, как вставшая на дыбы лошадь, и понеслось над лужайкой под прямым углом к прежнему курсу.

Мадам летела слишком быстро, чтобы затормозить или свернуть. Ее помело потеряло управление, взрыло древком землю и с ревом взметнулось вертикально вверх. Но из темноты черной громадой выступили очертания дерева. Помело заложило вираж, однако опоздало на долю секунды. Оно врезалось в крону, накренилось и сбросило свою наездницу. Взмахнув своими черными юбками, мадам Мамблчук с визгом слетела с метлы и позорно повисла на верхних сучьях дуба, напоминая старую, оципанную ворону.

– Так ей и надо! – объявил довольный Питер. – Я же говорил тебе: наше помело знает, что делает. Слушай, а ведь оно нас спасло!

Тут маленькое помело, слегка приподнявшись в воздухе, плавно перепрыгнуло через изгородь и широкую канаву с какой-то душистой травой, и они оказались под сенью темного, густого леса.

Прежде чем над ними сомкнулись ветви деревьев, ребята услышали крики Мадам:

– Доктор Ди! Доктор Ди!

Откуда-то сверху донесся ответный крик, и свисающий след отметил вираж помела доктора Ди, спешащего на выручку.

– Это их задержит! – весело сказал Питер.

Мэри похлопывала помело липкой от сока перелет-травы ладонью. Тому, похоже, это нравилось: оно бодро, вприпрыжку несло ребят над извилистой тропинкой среди деревьев. Лететь здесь было даже труднее, чем по улице: на узенькую тропинку со всех сторон наступал густой подлесок. С веток свисали плети плюща и жимолости; между необъятными стволами дубов и буков втиснулись орешник, бузина и остролист, а все остальное пространство сплошь заросло папоротником и наперстянкой. Впотьмах ребятам казалось, что они блуждают по джунглям.

– Так, в конце концов, и домой доберемся. – Мэри вслух высказала то, о чем думали они оба. – Маленькое помело должно знать дорогу. Плохо только, что это ужасно долго. Даже по-настоящему летишь – и то будто сто лет проходит.

Она вкратце рассказала Питеру о своих приключениях.

– А ты сколько времени добирался – без помела? И как ты вообще туда попал?

– Часть дороги я проехал на велосипеде. Мне кто-то сказал, что Джиба вроде бы видели в саду возле пустого дома, у реки – ты его знаешь, нет? В общем, я туда поехал, но у моста был густой туман, я оставил там велосипед и пошел дальше пешком. Мне, понимаешь, показалось, что Джиб где-то там мяукает, в тумане. Это тоже, наверное, было колдовство, да? Ко-

роче, я в тумане заблудился, а потом вышел к дому доктора Ди.

– Далеко от моста? – спросила Мэри.

– Не знаю. Мне показалось, что я целую вечность иду, но... эй, смотри-ка, деревья кончаются. Жалко, я-то думал, мы так и доедем до дому, не выходя из леса. Если они нас поджидают на той стороне...

– Может, она еще на дереве? – с надеждой спросила Мэри. – Или у нее помело убежало, или...

Она замолчала: сомнений быть не могло – над самой крышей из древесных крон, под защитой которой они путешествовали, переговаривались Мадам и доктор Ди. Видно, летели они на расстоянии друг от друга, потому что разговаривали громко, и слова слышались отчетливо.

– ...в лес. Я хорошо видел. Надо только подежурить тут, чтобы заметить, с какой стороны они выскочат. Тут-то мы их и схватим.

– А вам не приходило в голову, мой дорогой доктор, – Мадам, видно, вполне оправилась после приключившейся с ней неприятности, – что у девчонки должно быть Великое Заклятье? Иначе как бы она смогла расколдовать все эти квалифицированные превращения, уничтожить лабораторию, перечеркнуть годы и годы наших трудов? И буквально в один момент. Все пропало, все – все главное здание. Огонь невозможно было остановить, пока он не добрался до крыла, где живут студенты; тогда он потух сам собой. Совершенно очевидно, что он был вызван Великим Заклятьем. Значит, она не соврала и ее фамилия действительно Смит. Когда мы ее поймаем, дорогой доктор, следует проявить осторожность. Но мы с ней справимся, я уверена, и...

Тут беседу их заглушил порыв ветра, взъерошивший кроны деревьев. А когда ветер утих, голоса ока-

зались ближе, как раз у ребят над головами. Похоже, Мадам и доктор летали кругами.

— ...предложить вам гостеприимство моего дома, — говорил доктор Ди. — Мои ресурсы по сравнению с Колледжем, конечно же, невелики, но осмелюсь предположить, дорогая Мадам, что вы найдете мою собственную лабораторию весьма и весьма недурно оборудованной. Более чем недурно, — прибавил он с мерзким смешком, — для того, чтобы справиться с мисс Мэри Смит — Гормбридж там или не Гормбридж.

— Но Великое Заклятье?.. — беспокойно повторяла Мадам. — Великое Заклятье?..

— Действует только до восхода солнца, даже для подлинной Мэри Смит, — снова усмехнулся доктор Ди. — Все, что нам нужно, это задержать их в лесу до рассвета, а там уже не торопясь отловить. Если только, разумеется, они не решат прятаться в лесу и дальше, в каком-то случае...

— ...мы просто-напросто уморим их голодом, — закончила мадам Мамблчук с мрачным удовлетворением.

— Именно, — подтвердил доктор Ди. — А теперь, сударыня, если мы немного наберем высоту, то сможем держать под наблюдением весь лес.

Голоса Мадам и доктора стали затихать одновременно со свистом их метел, превращаясь в невнятный шумовой фон.

Разговаривать ребятам не хотелось. И так ясно, что дела обстоят хуже некуда. Оставалось только положиться во всем на маленькое помело. Но то, похоже, обо всем догадалось. За несколько метров до опушки оно остановилось и осело на прутья. Питер, ни слова не говоря, слез и прошел немного вперед.

– Там поле, – сообщил он, вернувшись, – большое, оно, видно, спускается к ручью. Есть несколько деревьев дальше, но этого мало. А за ними, кажется, опять открытая местность.

– Что будем делать?

Питер рассеянно похлопал маленькое помело. Откашлялся:

– В общем, так. Все предельно ясно. Я и раньше говорил, в саду у доктора Ди. Мы договариваемся о каком-нибудь сигнале, ты берешь котов и летишь. Я продерусь с той стороны леса и отвлеку их, а ты выиграешь время. Одна на помеле ты поднимешься выше облаков раньше, чем они сообразят, в чем дело. А раз у тебя будет время...

– А ты как же?

– А, со мной все будет в порядке. Я сразу поверну обратно в лес, они и не заметят, что я один.

– Но сейчас-то все не так, как в саду у доктора Ди, – возразила Мэри. – Они знают, что ты здесь. Как только они поймут, что у тебя вообще нет помела, – а они поймут рано или поздно, – они пойдут в лес и станут тебя искать.

– Им меня ни за что не найти. Тут темно.

– А утром?

– Лес-то большой, – сказал Питер. – Залезу на дерево или еще что-нибудь придумаю. Да и ты к тому времени вернешься с подмогой.

– На помеле? – спросила Мэри. – А следом священник – твой отец, констебль и старый Зебеди на велосипедах?

Несмотря на ситуацию, Питер рассмеялся:

– Да уж, на помеле тебе, похоже, возвращаться нельзя.

– Без помела я не найду дорогу, – угрюмо заметила Мэри. – И ты сказал, что не найдешь. Ничего не

выйдет, Питер. Или мы выберемся отсюда вместе, или вообще не выберемся. — Она помедлила, играя листьями папоротника. Потом твердо посмотрела Питеру в глаза (никто бы и не подумал, что это та самая чопорная и застенчивая Мэри Смит, какой она была два дня назад). — И не думай, пожалуйста, что я ничего не понимаю: ты уже дважды пытался меня спасти, рискуя жизнью. Но — или вместе, или никак.

— О'кей, — легко согласился Питер. Уж он-то явно никогда не смущался. — Что ж, тогда надо придумать что-нибудь еще. Как насчет этого самого Великого Заклятья? В книге нет ничего такого, что могло бы нам пригодиться?

— Нет. Я уже думала об этом. Есть только само Великое Заклятье, а оно просто расколдовывает все волшебство поблизости. Оно и наше маленькое помело расколдует. И если я улечу, а тебе для защиты оставлю Великое Заклятье, это место тоже может измениться, и ты потом не найдешь дороги домой. Или мы тебя никогда не разыщем. — Мэри взглянула в сторону просвета в конце тропинки. Оттуда к ним в лес заглядывали звезды. — У меня такое чувство, будто мы совсем не в такой стране, как наша, и от нашей ее отделяет не только расстояние.

— Слушай, не стоит так огорчаться, — сказал Питер. — До сих пор все у нас получалось неплохо, так ведь? Что-нибудь придумаем. И вообще, я буду слишком нервничать с этим Великим Заклятьем. А вдруг я его произнесу, когда твое помело еще не успеет далеко улететь, и собью тебя со страшной высоты? Короче, давай думать.

— Сначала пусть метелочка отдохнет, — ответила Мэри, — да надо приласкать ее немножко, ей это нравится.

Она слезла с помела и стала поглаживать его правой рукой, перемазанной соком перелет-травы. Помело обрадовалось. Оно потерлось о Мэри, мурлыча... Нет, мурлыкало, конечно, не оно. Это Тиб неожиданно замурлыкал у Мэри над ухом. Он смотрел, как кто-то – или что-то – приближается к ним из чащи.

Глава 13

БЛЕЩУТ ЗАРНИЦЫ, ЛИКУЮТ ПТИЦЫ, МЧИТСЯ ИЗ ЛЕСА ВОЛЬНЫЙ ОЛЕНЬ...

– Идет кто-то, – отрывисто проговорил Питер. – Садись быстрее. Значит, один из них шумит в лесу, чтобы нас спугнуть, а другой в это время...

– Нет, – возразила Мэри. – Тиб мурлычет. И маленькое помело, смотри, даже не шелохнулось. Стой спокойно.

Ребята молча ждали, уставившись в темноту. Шорох в подлеске становился все громче. Да там целая толпа! Шелестел папоротник, роняя капли росы. Воздух наполнился ароматами леса: лиственницы, поздней жимолости, густым и дымным запахом плюща. А потом из кустов вышел олень – огромный, прекрасный; сверкающая роса покрывала его ветвистые рога. За ним, осторожно ступая, шло десятка два пятнистых оленей.

Тиб издал kloкочущий гортанный вопль. Серый кот у Питера на плече тихонько мяукнул и замурлыкал.

– Это же те самые заколдованные олени! – воскликнула Мэри. – Я их освободила с помощью Великого Заклятья. Может, они пришли нам помочь!

Олений вожак приблизился, вытянул шею, обнюхал Мэри, Тиба у нее на плече и, наострив уши, оглянулся на Питера.

— Питер — мой друг, — поспешно заверила Мэри. — Он пришел спасать Джиба.

Старый олень подался вперед, обнюхал Питера, а потом развернулся и легкой трусцой направился к опушке леса. Там он остановился, высоко подняв великолепную голову, и глянул через плечо на ребят.

— Я помню его, — сказала Мэри. — Он был такой несчастный, с оранжевой свалывшейся шерстью. Мадам над ним смеялась, дразнила его. Он точно пришел нам помочь. Только как?

— Хочет, чтобы мы пошли той дорогой, — ответил Питер. — Идем.

Но Мэри колебалась:

— Слышишь? Эти все летают.

Остальные олени тем временем столпились вокруг них, вскидывая головы, блестя влажными глазами. Питер засмеялся:

— Да это же конвой. Ты что, не понимаешь? Если мы рванем из леса в такой компании, Мадам и доктору ни за что до нас не добраться. Они могут нас вообще не разглядеть среди бегущих теней. Летим. Это единственный шанс.

— Ты и правда думаешь... — с сомнением начала Мэри, но тут вмешалось маленькое помело. Конечно, выражения вроде «вскидывало голову», «било копытом» к подобному предмету отнести трудно, и все же примерно так оно себя и вело. Приплясывало у Мэри в руках и всем своим видом давало понять, что пора в дорогу.

— Хорошо! — решила Мэри и вскочила на помело. — Тиб, держись! Давай, Питер, а то оно улетит без тебя.

Коты мурлыкали так, словно на помеле установили мотор. Вокруг ровно скакали олени, их легкие копыта почти не оставляли на земле следов. И маленькое помело резвилось вместе с оленями. Вожак вскинул голову, потянул носом воздух, потом с места одним прыжком пересек опушку и оказался в поле под звездами. За ним сплошным потоком устремилось стадо, в котором, как тень среди скачущих теней, летела метла.

Олени неслись во весь опор длинными мягкими скачками – рога запрокинуты на спины, темные глаза широко раскрыты и блестят при свете звезд, стучат по земле изящные копыта, шумят, словно струны дождя. Покрытые росой олени бока задевали ноги ребят, и назад уносился луг. Промелькнула внизу и пропала живая изгородь. Блеснул под ними ручей и умчался назад, в тишину. Показалась каменная стена, и маленькое помело, собравшись с силами, перебросило через нее себя и свой груз. Олени взмыли ввысь гигантской волной, по ту сторону стены волна спала, и бег продолжался.

Потом вдруг поблизости оказалось великое множество птиц. Упал из поднебесья чибис, щебеча в темноте; со свистом слетелись ласточки, за ними – дрозды, воробьи, голуби – все, кто еще недавно были заперты в ужасных клетках, птицы, которым полагалось в это время спать, засунув голову под крыло... Теперь они летели над стадом оленей, прикрывая беглецов сверху.

Ибо с неба по-прежнему угрожала опасность. Сначала Мадам и доктор Ди посчитали эти галопом несущиеся тени всего лишь стадом оленей, но потом, видно, решили в этом убедиться, и кто-то из них полетел вдогонку. Другой остался над лесом – сторожить.

Гнался за ними доктор Ди. Послышался знакомый, леденящий кровь свист его помела. Вот оно резко спикировало, и раздался злобно-торжествующий вопль, распугавший птиц:

– Мадам! Мадам! Здесь! Сюда!

Взмахивая, словно кнутом, своей белой волшебной палочкой, доктор Ди пикировал снова и снова, предпринимая попытку за попыткой, разгоняя птиц и стараясь дотянуться до ребят.

Но олени защищали их: всякий раз гордо вскинутые рога отбрасывали в сторону волшебную палочку, и рассыпались фейерверком зеленые искры, а олени как ни в чем не бывало бежали вперед. Им нечего было бояться: заколдовать их снова доктор Ди уже не мог. В какой-то миг палочка оказалась у самой головы Мэри, и тогда могучие олени рога боднули волшебный жезл, отводя удар. Раздался оглушительный треск, полыхнула зеленая молния, а колдун вскрикнул, словно его ударило током.

После этого он отступил, набрав высоту, а птицы снова сомкнули над ребятами крылья.

Но теперь они не просто защищали – они атаковали. И тоже не опасались белой палочки. Конечно, не так уж они пугали доктора Ди (самыми крупными были голуби), но все же нелегко отбиваться от сердитых птиц, которым ничего не стоит ударить крыльями по лицу, впиться когтями в волосы; могут они и просто мельтешить перед глазами, загораживая все на свете. И помелу доктора Ди это не нравилось: оно упиралось, брыкалось и норовило дать задний ход. При этом доктор держался одной рукой – в другой он сжимал палочку и вслепую отмахивался ею от птиц, так что пару раз чуть не свалился.

Но удержался все-таки. А Мэри и Питер стали замечать, что олени устают. В вышине тем временем парила мадам Мамблчук. Она была слишком умна, чтобы соваться в птичью стаю.

Олени бежали теперь по склону, полого спускавшемуся к реке. То тут, то там показывались кусты тростника и хлестали ребят по ногам. Река мчалась по каменистым порогам, то и дело срываясь водопадами. А примерно в четверти мили впереди ребята увидели нечто, напоминающее широкую водную гладь.

«Неужели море?» – подумала Мэри и в первый раз почувствовала отчаяние. Если придется лететь над морем, без оленей, может быть, только в сопровождении птиц... и если маленькое помело устанет...

– Туман! – закричал Питер. – Я тебе говорил, что заблудился в нем по дороге. Если пролетим сквозь туман – будем знать дорогу домой!

Вниз, вниз по склону под перестук копыт. Наконец Мэри разглядела.

Это и правда был туман. Белый, густой, клубящийся, словно небо уронило облако на землю. Звездный свет казался ярче на его поверхности. Река, пенясь и бурля, впадала в этот туман, как в море. Что ж, зато теперь им не нужен конвой. Они смогут лететь на той скорости, которую выберет маленькое помело, в полной безопасности, а на другой стороне – дом...

Птицы уже кружили в тумане призрачными тенями, собираясь поворачивать назад. Оленье стадо спустилось по склону, взрывая копытами дерн, замедлило бег и остановилось на длинной каменистой отмели, где река встречалась с туманом.

Вожак оглянулся – нити тумана оплели его рога, – и стадо расступилось, пропуская ребят под надежное укрытие.

И тут-то доктор Ди в последнем отчаянном пике камнем обрушился на маленькое помело. Еще чуть-чуть – и магический жезл коснулся бы ребят, но олений вожак взмыл в воздух гигантским скачком и вышиб рогами волшебную палочку из рук колдуна. Та отлетела далеко в сторону и упала в реку. Раздалось шипение, словно в воду уронили раскаленную сковородку, зеленый огонь заметался по поверхности, с треском взметнулся в воздух столб белого дыма – и палочка исчезла в водовороте.

А позади снова послышался треск, шум, мощный удар... Сверху посыпались березовые прутья, пролетела мимо, едва не коснувшись щеки Мэри, половина древка от метлы. В следующую минуту все потускнело и пропало – вожак, олени, птицы, звезды: их собственное помело, целое и невредимое, внесло ребят в царство тумана.

Глава 14

ОКОНЧЕН ПУТЬ, ДОМОЙ, ДОМОЙ...

Не таким уж густым оказался туман. Попался даже совсем тонкий слой, сквозь который видно было небо. Питер, захлебываясь от волнения, прошептал Мэри на ухо:

– Она еще там, высоко. Нас, кажется, не заметила.

– Здесь-то она на нас напасть не может, – ответила Мэри. – По-моему, под нами вода. Пока мы держимся низко, мы в безопасности.

– А когда выйдем из тумана, окажемся на нашей стороне. Только кто ее знает, может, она и там будет за нами гнаться? Мы-то ведь были по ее сторону тумана.

Об этом Мэри прежде не думала, но, в общем, все звучало убедительно. Если волшебная перелет-трава действовала в Редмэноре, то нет гарантии, что даже на своей стороне они отделаются от мадам Мамблчук.

Мэри постаралась не показать, что нервничает:

– Но котов-то ведь она отобрать не сможет, да и станет ли она за нами гнаться, только чтобы отомстить?

– Наверное, ей нужна ее книга, – сказал Питер.

– А! Конечно... Но надо же тогда самим как-нибудь ее использовать, правда? Только непонятно, как...

– Не бери в голову, – беспечно отозвался Питер. – Как только мы подлетим к дому, можешь читать свое заклятье хоть во весь голос. Это сразит ее помело наповал. А мы-то уже будем у себя, так что не беда, если наше тоже расколдуется.

– Но наша метелочка...

– Хочет, чтобы ее расколдовали, – перебил Питер. – Неужели ты не чувствуешь?

Помело, и правда, чуть вскинуло прутьями, сделало пару длинных прыжков и увеличило свой и без того стремительный темп.

– Ну, что? – сказал Питер. – Оно, может, тоже заколдовано, и ему надоело мотаться взад-вперед днем и ночью, и ждать, где прикажут, и все время таскать на себе всяких ведьмиц...

– Большое спасибо! – отозвалась Мэри.

– Я же не тебя имел в виду. По-моему, для метел это такая же тюрьма, как клетки – для оленей и птиц. Потому-то они так себя и ведут. Если бы им это нравилось, они бы не стали брыкаться и сбрасывать людей, как упрямые пони.

– Пожалуй, ты прав, – согласилась Мэри. – Оно слушалось меня только из-за перелет-травы.

– А это что такое?

– Да что-то вроде заклатья, – объяснила Мэри и рассказала Питеру о волшебном цветке.

– Ну, вот видишь! – сказал тот. – Я думаю, что оно нам сейчас помогает потому, что мы к нему хорошо относились. Но оно будет просто счастливо освободиться от заклатья и жить себе поживать на свободе. Правда, дружище?

Маленькое помело повиливало и подпрыгивало в ответ.

Между тем туман стал редеть. Впереди была тьма, такая плотная, что ее хотелось назвать твердой. Внизу же время от времени проступала тьма иного рода, не казавшаяся твердой, в которой мелькали редкие блики.

Приближался рассвет, в тумане начали появляться разные оттенки. Скоро, скоро Великое Заклатье перестанет действовать.

Туман отступил неожиданно. Помело выскочило на узкую прибрежную полосу, где чуть заметные бледные волны похрустывали блестящей галькой, вынесло их вверх по склону и полетело над лугом, на котором уже можно было разглядеть маргаритки.

И едва они расстались с туманом, как из поднебесья до них долетел голос мадам Мамблчук.

– Стоп! – скомандовала Мэри. Маленькое помело приземлилось, ребята слезли и оглянулись.

Мадам они увидели высоко над озером тумана. Видно, она так и кружила над ним, поджидая их, как до этого кружила над лесом. Небо вокруг нее становилось все бледнее, все розовее, звезды начинали меркнуть. Но еще вылетали злые зеленые искры из-под

помела Мадам. Она развернула его на полном ходу и направила прямо на беглецов.

— Попались! — визжала она. — Попались! Моя книга!

И ее помело вошло в пике.

Коты шипели, испугался даже Питер. Мэрихватила книгу из кармана и стала судорожно шарить в поисках фонарика. Но он был не нужен: книга у нее в руках раскрылась на Великом Заклятье, и там, на этой странице, буквы светились ясным алым светом. Мэри не дрогнула, хотя ведьма неслась к ним злобной падучей звездой; она выпрямилась посреди набирающего силу рассвета и стала громко и отчетливо читать Великое Заклятье.

Ведьма услышала ее. Видно было, как она погоняет свое помело, чтобы успеть снизиться прежде, чем будут дочитаны слова. Видно было, как она оглядывается через плечо, торопя рассвет, который мог бы отнять у Мэри волшебную силу. Но все напрасно: Мадам еще летела высоко над туманом, и не угасли еще последние звезды, когда Мэри с триумфом закончила:

— «...дней хоровод!» — или что-то в этом роде. И, как и раньше, несколько вещей произошли одновременно.

Помело сбилось с курса и рухнуло в туман. Оттуда раздался вопль, оглушительный всплеск — и туман замер, только волна вдруг судорожно выплеснулась на гальку. Маленькое помело подпрыгнуло, взбрыкнуло, смешно пристукнуло оземь своими березовыми прутьями — и пропало. И тогда взошло солнце.

Двое ребят и два кота озирались по сторонам. Они стояли на длинном лугу, где паслись коровы, которых произошедшее отнюдь не потревожило. Впереди

начиналась узкая полоса гальки, но уходила она не в туман, а в реку. Туман исчез. А река показалась Мэри чем-то знакомой.

– Смотри, – сказал Питер, – вон, у моста. Это мой велосипед. Мне тогда еще показалось, что место знакомое. Отсюда до дома всего километров пять. Умешь ездить на багажнике?

Никто даже и не хватился Мэри. Входная дверь так и осталась незапертой, и, попрощавшись с Питером («Утром увидимся», – прибавил тот), Мэри с Тибом тихонько вошли, закрыли дверь и прокрались в спальню. Напольные часы, на которых стрелки подбирались к пяти, подмигнули им медным циферблатом и спокойно затикали дальше.

В комнате ничего не изменилось, кроме одного: из стакана исчезла перелет-трава. Когда Мэри сняла пальто и сунула руку в карман, то нашла там только фонарик: книга Великих Заклятий тоже пропала.

А на стеганом одеяле устроился, мурлыча, всем довольный и очень, очень сонный (что неудивительно) никакой не фамилиар, а самый обыкновенный кот.

– Я получила письмо от твоих родителей, – сообщила утром бабушка Шарлотта.

Она спустилась в столовую раньше обычного, когда Мэри еще только доедала свой завтрак. На секунду Мэри испугалась, что кто-то в доме мог узнать о ее ночных приключениях, но бабушка Шарлотта была, как всегда, безмятежна, и приготовленное известие ее, судя по всему, вдохновляло.

– Они возвращаются в начале октября, – объявила она, – и мне очень приятно было прочитать о том,

что они собираются купить дом в наших краях. Километрах в пяти отсюда есть чудный дом, который скоро освободится. Там прекрасный сад, он захватывает часть речного берега. Что такое, дитя мое?

– Там же парты... – пробормотала Мэри.

– Карты? Ну, конечно, они играют в карты. В бридж. Потому-то вдвойне приятно, что они будут жить по-соседству. Матушка твоя бывает рассеянной, но отец играет великолепно, а наш дорогой священник...

– Я хотела сказать... а впрочем, не важно, – проговорила Мэри. – Я этот дом знаю, он славный.

– И тебе будет не так скучно, когда приедут брат и сестра. – Бабушка Шарлотта добродушно похлопала ее по плечу. – Но у меня и еще есть для тебя хорошие новости. Священник – наш здешний священник – вчера вернулся из отпуска. Его сын Питер – примерно твой ровесник. Думаю, вы подружитесь.

Мэри, все это время упорно глядевшая в тарелку, подняла глаза:

– Бабушка Шарлотта, а если мы туда переедем, можно, я возьму с собой Тиба?

– Тиба? Ах, этого кота... Ну, а почему же нет... если только родители твои не будут против. Да и Конфуций с ним не ладит. Правда, я не уверена, наш ли он. Вы не знаете, мисс Маршбэнкс?

– Он нездешний, – решительно заявила та. – И по какой-то необъяснимой причине явно привязался к Мэри.

Мэри снова уставилась в тарелку. Похоже было, что мисс Маршбэнкс излишне внимательно наблюдает за ней этим утром. Может, она что-то слышала? Или видела?

– Ничего, – примирительно сказала бабушка Шарлотта. – Миссис Маклуд должна знать. Спросим у нее. А теперь, девочка, беги, играй. А я, пожалуй, пойду поговорю с Зебеди насчет роз.

Она рассеянно поцеловала Мэри в щеку и вышла. Конфуций заковылял за ней следом. Мисс Маршбэнкс встала, позвонила миссис Маклуд, чтобы та убирала со стола, и взялась за вязанье. Это будет обычный будний день, подумалось Мэри, только на этот раз она увидит Питера, и Тиб пойдет вместе с ней.

И как раз в этот момент – может, немного волшебства накануне запуталось в его шерстке – Тиб вспрыгнул снаружи на карниз. Мэри подошла к окну, чтобы его впустить. Стояла прекрасная солнечная погода. Зебеди подметал листья на газоне своей большой метлой – нормальной садовой метлой, которая, так сказать, работала по специальности.

Щелканье вязальных спиц прекратилось. Мэри взглянула на мисс Маршбэнкс и увидела, что та тоже смотрит на метлу – со странным выражением.

Тут она вспомнила шорох и треск веток в ту самую ночь, когда Тиб оказался у нее на карнизе, и шум падения – нечто тяжелое рухнуло с неуправляемого помела. А на следующее утро у мисс Маршбэнкс разыгрался радикулит. Мэри вспомнила, как они с Тибом друг на друга смотрели. И, наконец, совсем уже смутно ей припомнилось, как кто-то пишет в большой тетради во второй раз: «Мэри Смит, Редмэнор, Шропшир...»

Теперь все стало ясно. Сначала Тиб выбрал мисс Маршбэнкс, но кот ей не понравился, потому она так и не нашла перелет-траву, не смогла справиться с маленьким помелом, открыть замки, найти... а что, собственно, найти, и где?

Тиб терся об нее, выгибая спину и мурлыча. Мэри наклонилась и прошептала ему на ухо:

– Значит, ты нас обоих испытывал, чтобы вызволить Джиба из... ну, неважно, что это было. Бедненькая мисс Маршбэнкс! Она так и не узнает, что упустила. Такое приключение...

Мэри ненадолго задумалась. Потом, когда выпится, она, конечно же, вспомнит все как следует.

Мисс Маршбэнкс, которой так и не суждено было узнать, что она упустила, доставала новый моток шерсти довольно неприятного зеленого оттенка.

– Как мило, дорогая моя, что твои родители собираются переехать в наши края. Это, конечно, означает, что тебе придется учиться в закрытой школе, но тебе, я думаю, это понравится, а? Ну, разумеется, понравится, а учиться там и в самом деле придется, потому что, – она посмотрела Мэри в глаза, – больше никакой школы поблизости нет. Никакой, – прибавила она твердо.

– Уж сейчас-то точно нет, – тихонько сказала Мэри Тибу, который сидел рядом.

Тиб фыркнул.

Самым непостижимым образом на берегу реки у старого каменного моста появилась березовая рощица. «Они растут как по волшебству, эти березы». – так, во всяком случае, сказал отец Мэри, купивший тот самый луг, который столь неожиданно зарос березняком. Деревца поднимались как на дрожжах и очень скоро стали настоящей березовой рощей – золотистой весной, зеленой летом, а осенью вспыхивавшей янтарным светом, и оранжевым, и желто-коричневым, и всеми красками заката. Зимой,

когда голые ветви казались темно-лиловыми на фоне бесцветного неба, слышно было, как свистит в них ветер, так свистит, словно проносится там, в вышине, нечто, с воем рассекая воздух. И несметное множество березовых прутьиков постукивали на ветру друг о друга, как копыта мчащегося оленя; и металась над рощей птицы, наполняя зимнее небо пронзительными криками.

Только Мэри, которая училась в школе и редко ходила в лес зимой, никогда ничего этого не слышала.

А если бы и услышала, все равно бы не вспомнила.

ОТ АВТОРА

Некоторые читатели, возможно, не верят в существование волшебных метел. Могу только привести здесь письмо, полученное мною от фирмы «Харродс» в ответ на мой запрос о ценах на имеющийся в наличии товар.

«По понятным причинам спрос на эту продукцию ограничен, а с учетом современных тенденций относительно цвета, веса и использования пластика, не говоря о требованиях к комфорту, она может быть изготовлена исключительно по специальному заказу. Признано, что в течение последних нескольких лет «метолет» приобретает все большую популярность и как транспортное средство, и – с использованием системы дистанционного управления, которая устанавливается за отдельную плату, – как традиционный инструмент для уборки садового мусора. Мы могли бы рекомендовать модель из углеродоволокнистого пластика повышенной прочности. Цветовое решение: черный, коричневый или пастельные тона. Двухтактный двигатель в целях экономии веса изготовлен из алюминия, так же как и винты. Смазка требуется

не чаще одного раза в 100 лет, или каждые 1 000 000 километров. За дополнительную плату можно приобрести аксессуары в виде оптической трубы с подстройкой и кофеварки с фильтром.

Работа над «метолетом» носит специфический характер и может потребовать несколько лет, поэтому мы будем признательны за быстрое подтверждение заказа. Исходная цена – 874 фунта 75 пенсов».

Насколько мне известно, существует уже и более дешевая немецкая модель, но отзыв о ней в последнем номере «Летим со свистом» был не слишком благоприятный. «Метолет» расходуется лучше.

М. С.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	
Бедная Мэри сидела в слезах.....	3
Глава 2	
О том, что грохочет по ночам	14
Глава 3	
Однажды сырым и туманным утром... ..	21
Глава 4	
Так высоко над землей	32
Глава 5	
Кое-что новенькое о верховой езде	36
Глава 6	
Пожалуйте в гостиную	48
Глава 7	
Ведьма космами трянула, ведьма Мэри подмигнула	62

Г л а в а 8	
Что же делать?	71
Г л а в а 9	
– А по свету свечи туда можно дойти?	
– Да, и даже вернуться назад!	
Если шаг твой проворен и легок в пути....	82
Г л а в а 10	
Великое Заклятье	91
Г л а в а 11	
Куда она шла, я спросить не посмела,	
ведь было в руках у нее помело.....	100
Г л а в а 12	
Побег	109
Г л а в а 13	
Блещут зарницы, ликуют птицы,	
мчится из леса вольный олень.....	120
Г л а в а 14	
Окончен путь, домой, домой...	126
От автора	137

Литературно-художественное издание
Для младшего и среднего школьного возраста

«ЛЮБИМЫЕ КНИГИ ДЕВОЧЕК»

Стюарт Мэри

МАЛЕНЬКАЯ ВЕДЬМА

Пер. с англ. *Н. Ермильченко*

Редактор *В. Б. Зинина*
Корректор *В. Л. Тищенко*
Технический редактор *Н. Г. Бочкова*
Компьютерная верстка *М. В. Коршунова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 18.05.2000.
Формат 84×108¹/32. Усл. печ. л. 7,56. Гарнитура Обыкновенная.
Бумага типографская. Печать офсетная. Тираж 11 000 экз. Заказ 2707.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор
продукции ОК-00-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

ООО «Издательство «Астрель»
Изд. лиц. ЛР № 066647 от 07.06.99
143900, Московская обл., г. Балашиха, пр-т Ленина, д. 81

ООО «Издательство АСТ».
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84.

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU.
E-mail: astpub@aha.ru.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.200.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

«Издательство Астрель» предлагает:

**ЛЮБИМЫЕ КНИГИ
ДЕВОЧЕК**

Серия лучших книг о любви и дружбе,
о необычайных девичьих судьбах

Вместе с героями веселых и грустных,
добрых и романтических историй
читателям предстоит
прожить множество
интереснейших жизней
в разных временах и странах.

Книги «Издательства Астрель»

можно заказать по адресу:

107140, Москва, а/я 140 — «Книги по почте».

«Краткий справочник школьника»

Лучшего помощника для успешной учебы вам не найти! Большой формат. Вся школьная программа в одном томе! Краткая, но исчерпывающая информация о каждом предмете с 5 по 11 класс. А подробное оглавление поможет найти нужный материал за считанные минуты.

НАШИ ЛУЧШИЕ КНИГИ — ДЛЯ ВАС
САМЫЕ ВЫГОДНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТОЛЬКО У НАС!

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Перед вами — самые популярные и проверенные временем учебники. Они очень удобны как для ученика, так и для преподавателя. Материал расположен по принципу «шаг за шагом». Есть упражнения для закрепления пройденного материала, тексты, основные темы, легко запоминающиеся диалоги, характерные для современной жизни. Все объяснения — ясные и доходчивые, с многочисленными примерами. И обратите внимание: каждый учебник идет в комплекте с книгой для чтения, необходимой ребенку для занятий.

Учебники английского языка и Книги для чтения

Магазины в Москве: Звездный бульвар, д. 21. Тел.: (095) 282-1905
2-я Владимирская ул., д. 52. Тел.: (095) 306-1898
Б. Факельный пер., д. 3. Тел.: (095) 911-2107
Каретный ряд, д. 5/10. Тел.: (095) 299-6584
Арбат, д. 12. Тел.: (095) 291-6101
Татарская ул., д. 14. Тел.: (095) 959-2095
Луганская ул., д. 7. Тел.: (095) 322-2822

ЗАКАЗЫВАЙТЕ КНИГИ ПО ПОЧТЕ
107140, Москва, а/я 140

ВСЕМ НАШИМ КЛИЕНТАМ ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ КРАСОЧНЫЙ КАТАЛОГ

Большая детская энциклопедия «История России»

Великолепное подарочное издание! Большой формат. Красочные иллюстрации на каждой странице.

Энциклопедия создана на основе книги Ишимовой, признанной лучшим изданием по истории России для детей и подростков, в нее внесены лишь необходимые дополнения и исправления. Легко читается и запоминается благодаря живому, яркому языку и выдержкам из поэм, стихов и баллад, написанных в ту или иную эпоху.

ас*
ИЗДАТЕЛЬСТВО

НАШИ ЛУЧШИЕ КНИГИ — ДЛЯ ВАС
САМЫЕ ВЫГОДНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТОЛЬКО У НАС!

Лучшей энциклопедии для школьника вам просто не найти! Издание содержит свыше 6600 статей, около 1800 иллюстраций и карт. Здесь есть все, что нужно школьнику, абитуриенту и студенту для успешной учебы и сдачи экзаменов. А издательство говорит само за себя - «Большая Российская энциклопедия».

«Большой энциклопедический словарь школьника»

Магазины в Москве: Звездный бульвар, д. 21. Тел.: (095) 232-1905
2-я Владимирская ул., д. 52. Тел.: (095) 306-1898 Арбат, д. 12. Тел.: (095) 291-6101
Б. Факельный пер., д. 3. Тел.: (095) 911-2107 Татарская ул., д. 14. Тел.: (095) 959-2095
Каретный ряд, д. 5/10. Тел.: (095) 299-6584 Луганская ул., д. 7. Тел.: (095) 322-2822

ЗАКАЗЫВАЙТЕ КНИГИ ПО ПОЧТЕ
107140, Москва, а/я 140

ВСЕМ НАШИМ КЛИЕНТАМ ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ КРАСОЧНЫЙ КАТАЛОГ

